

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

2
2020

VESTNIK RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya»
RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series
Academic Journal
Quarterly issues.
Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing Ph.D. research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

07.00.00 History and archeology:

07.00.02 Russian history

07.00.03 World history

07.03.09 Historiography, source study and methods of historical research

07.00.15 History of international relations and foreign policy

23.00.00 Political studies:

23.00.01 Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science

23.00.02 Political institutions, processes and technologies

23.00.04 Political problems of international relations, global and regional development

23.00.05 Political regionalism. Ethnopolitics

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, 25.05.2015, reg. No. FS77-61886

Editorial staff office: 6, Miusskaya, Moscow, 125993

e-mail: panov.a@rggu.ru

zhuravlevavic@mail.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

07.00.00 История и археология:

07.00.02 Отечественная история

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.15 История международных отношений и внешней политики

23.00.00 Политология:

23.00.01 Теория и философия политики, история и методология политической науки

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический, рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерении.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, 07.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 03 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6
электронный адрес: panov.a@rggu.ru
zhuravlevavic@mail.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.P. Logunov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Medushevsky, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A. Filler, Ph.D., associate professor, University Paris VIII, France

D. Foglesong, Ph.D., professor, Rutgers University, USA

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), Cand. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Gushchin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

I. Klyukanov, Ph.D., professor of Communication, Eastern Washington University, USA

M. Kramer, Ph.D., professor, Harvard University, USA

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P. Ruggenthaler, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz–Vienna, Austria

E.Yu. Sergeev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- T.A. Shakleina*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs (Russia), Moscow, Russian Federation
- B. Shteltse-Marks*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz–Vienna, Austria, vice-president of Austrian Commission, UNESCO, Vienna, Austria
- A.D. Voskressenskii*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs (Russia), Moscow, Russian Federation
- I.B. Antonova*, Cand. of Sci. (Pedagogy), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*English texts editor*)
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*English texts editor*)
- A.A. Novikova*, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
- A.S. Panov*, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

Executive editors:

E.A. Alekseeva

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor (RSUH)

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor (RSUH)

A.S. Panov (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.П. Логунов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Медушевский, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Ph.D. (Манчестерский университет), Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Гуцин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.С. Мелкумян, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, США

М. Крэмер, Ph.D., профессор, Гарвардский университет, США

В.С. Мирзеханов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П. Руггенталер, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац–Вена, Австрия

Е.Ю. Сергеев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А. Филлер, Ph.D., доцент, Университет Париж VIII, Франция

Д. Фоглесонг, Ph.D., профессор, Университет Ратгерс, США

Т.А. Шакеина, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

Б. Штельцель-Маркс, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац–Вена, вице-президент Австрийской комиссии ЮНЕСКО, Вена, Австрия

А.Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И.Б. Антонова, кандидат педагогических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор текстов на английском языке*)

Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор текстов на английском языке*)

А.А. Новикова, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

А.С. Панов, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Ответственные за выпуск:

Е.А. Алексеева

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор (РГГУ)

Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор (РГГУ)

А.С. Панов (РГГУ)

CONTENTS

International Relations: History, Theory and Sociocultural Practice

Igor M. Tarbeev

Expert-Academic *Amerikanistika* in the system
of Soviet foreign policy expertise (late 1960s – early 1970s) 10

Anastasiya V. Mitrofanova

Cold war and international relations in the post-bipolar world
in the light of hegemonic stability theory 22

Natal'ya A. Tsvetkova

The digital diplomacy as a phenomenon of international relations:
Research methodology 37

Countries and Regions of the World: Development Dynamics and Models of Cooperation

Oleg A. Khlopov

Russian-American confrontation in the assessments
of international relations theorists 48

Dmitrii G. Evstaf'ev

New Eurasia as a global environment for competition:
the perspectives and the potential for preserving the integration 62

Alla Yu. Borzova, Nino D. Nikolashvili

“Marca España”: development of Spanish government policy
on the implementation of “soft power” 77

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

Alexander N. Yurin

Concepts West-Nation-Abendland in German sociopolitical discourse 94

Iana V. Shchetinskaia

Applying Western criteria of think tanks efficiency
to the case of Russia: pro et contra 108

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения: история, теория, социокультурная практика

Игорь М. Тарбеев

Экспертно-академическая американистика в системе советской внешнеполитической экспертизы (конец 1960-х – начало 1970-х гг.) 10

Анастасия В. Митрофанова

Холодная война и международные отношения в постбиполярном мире в свете теории гегемонистской стабильности 22

Наталья А. Цветкова

Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения 37

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

Олег А. Хлопов

Российско-американская конфронтация в оценках теоретиков международных отношений 48

Дмитрий Г. Евстафьев

Новая Евразия как глобальное конкурентное пространство: перспективы и возможности сохранения интегрированности 62

Алла Ю. Борзова, Нино Д. Николашвили

«Марка Испания»: разработка государственной политики Испании по реализации «мягкой силы» 77

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

Александр Н. Юрин

Понятия «Запад», «нация», «Abendland» в общественно-политическом дискурсе Германии 94

Яна В. Щетинская

Применение зарубежных критериев для оценки эффективности российских экспертно-аналитических центров: pro et contra 108

Международные отношения: история, теория, социокультурная практика

УДК 327

DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-10-21

Экспертно-академическая американистика в системе советской внешнеполитической экспертизы (конец 1960-х – начало 1970-х гг.)

Игорь М. Тарбеев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, actimel@yandex.ru*

Аннотация. К концу 1960-х гг. в СССР начали появляться первые экспертно-академические центры. В их задачи входило написание докладных записок, содержащих глубокий многосторонний анализ международных процессов. Советское руководство использовало выводы, прогнозы и конкретные предложения сотрудников этих центров для формирования внешнеполитического курса и принятия решений.

В статье изучается положение экспертно-академической американистики в системе советской внешнеполитической экспертизы. Работа основывается на архивных документах Общего и Международного отделов ЦК КПСС, хранящихся в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Именно в эти отделы поступали материалы, касающиеся международной проблематики.

Анализ источников позволяет выявить круг советских экспертных организаций, занимающихся изучением США, и разделить их на две части. Пометки, оставленные сотрудниками ЦК на записках, и привлечение мемуарных источников дают возможность оценить роль и место экспертно-академических институтов в системе внешнеполитической экспертизы СССР.

На основе исследования присланных учеными-экспертами материалов автор выдвигает гипотезу о функционировании экспертно-академического сообщества как особого канала информации, которую нельзя было получить от ведомственных экспертов.

Ключевые слова: холодная война, советско-американские отношения, советская внешнеполитическая экспертиза, американистика, Институт США и Канады, ИСКРАН, Институт мировой экономики и международных отношений, ИМЭМО

© Тарбеев И.М., 2020

Для цитирования: *Тарбеев И.М.* Экспертно-академическая американистика в системе советской внешнеполитической экспертизы (конец 1960-х – начало 1970-х гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. С. 10–21. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-10-21

Expert-Academic *Amerikanistika*
in the system of Soviet foreign policy expertise
(late 1960s – early 1970s)

Igor M. Tarbeev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
actimel@yandex.ru

Abstract. By the end of the 1960s the first expert and academic centers had been established in the USSR. These centers were to submit position papers and reports containing deep multi-dimensional analysis of international processes. The Soviet leadership used these conclusions, forecasts and specific proposals in the process of making political decisions.

This article examines the place expert-academic *Amerikanistika* occupied in the system of Soviet foreign policy expertise. Expert's reports related to international issues were sent to the General and International Departments of the Central Committee of the CPSU. This paper is based on these documents, which are stored in the Russian State Archives of Contemporary History.

The analysis of these primary sources allows us to first specify the range of those Soviet expert organizations that were carrying out research on the USA and then divide expert *Amerikanistika* into two parts. The notes left in the analyzed reports by the Central Committee staff as well as the memoirs give us an opportunity to examine the role of the expert-academic institutes within the system of the foreign policy of the USSR.

Basing on the study of the reports, the author formulates a hypothesis about the functioning of the expert-academic community as a special channel of information that could not be obtained from any other experts.

Keywords: Cold War, Soviet-American relations, Soviet foreign policy expertise, American studies, Institute for the US and Canadian Studies, IMEMO, Institute of World Economy and International Relations, ISKRAN

For citation: Tarbeev, I.M. (2020), "Expert-Academic *Amerikanistika* in the system of the Soviet foreign policy expertise (late 1960s – early 1970s)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 10–21, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-10-21

В середине 1950-х гг. в СССР стала ощущаться нехватка специалистов, которые могли бы выступать в роли экспертов по международным отношениям в целом и советско-американским в частности. В результате этого возник государственный запрос на внешнеполитическую экспертизу и начали создаваться экспертно-академические центры [Тарбеев 2018].

Особым направлением экспертно-академической деятельности стала американистика, изучавшая главного противника СССР в холодной войне. Эта работа имела практическое значение: записки, подготовленные на основе глубокого анализа, подавались в ЦК КПСС, рассматривались и принимались во внимание руководством страны. От экспертов из академических институтов ожидали как можно более точных оценок и прогнозов, а также практических рекомендаций. Но были ли они единственными специалистами подобного рода, а если нет, то чем отличались от экспертов из других организаций?

Несмотря на важную роль, которую экспертная американистика играла в выработке внешнеполитических решений в СССР, в отечественной историографии ей практически не уделяется внимание. Существующие исследования не выходят за пределы ведомственной истории [Черкасов 2004], биографических очерков и хроник отдельных научных центров. В итоге в отечественной историографии отсутствуют работы, посвященные советской внешнеполитической экспертизе как специальному объекту исследования, а также роли экспертно-академического сообщества в процессе принятия внешнеполитических решений.

В этой статье предпринимается попытка изучить место экспертно-академических центров в СССР в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Для этого используются архивные документы Общего и Международного отделов ЦК, хранящиеся в 5-м фонде РГАНИ¹, куда поступали записки экспертов из разных ведомств. Дела фонда сформированы на основе проблемно-регионального принципа: каждая папка посвящена конкретной проблеме, связанной с определенной страной. Анализ этих документов позволяет прежде всего выявить те институты и организации, которые производили экспертное знание для ЦК. Их изучение помогает не только понять, какого рода экспертные материалы направлялись «наверх», но и оценить то, какое место ЦК отводил экспертно-академическому сообществу в системе внешнеполитической экспертизы. Привлечение мемуарных источников дает возможность взглянуть на нее глазами самих экспертов.

¹РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61–63.

Для удобства в рамках данной статьи мы будем использовать термин «эксперт», имея в виду исключительно специалиста в области изучения Соединенных Штатов Америки, предоставляющего заказчику информацию, обоснованное мнение, прогнозы и предложения. Под «экспертным сообществом» мы, соответственно, будем понимать группу таких экспертов.

Структура советской внешнеполитической экспертизы

Анализ дел Общего и Международного отделов ЦК КПСС, куда организации регулярно присылали материалы по Соединенным Штатам в период биполярного противостояния, позволяет составить список тех ведомственных и академических структур, которые занимались экспертизой на постоянной основе. В широком смысле это и будет экспертное сообщество, создававшее знание по государственному запросу для использования в политическом процессе. В этот список входили:

- Сектор США и стран Латинской Америки Международного отдела ЦК КПСС;
- Министерство иностранных дел (МИД) СССР;
- Отдел США МИД СССР;
- Первое Главное управление Комитета государственной безопасности (КГБ) СССР;
- Министерство обороны СССР;
- Генеральный штаб Вооруженных сил СССР;
- Главное разведывательное управление (ГРУ) Генерального штаба Вооруженных сил СССР;
- Посольство СССР в США;
- Институт США Академии наук СССР (с 1991 г. – Институт США и Канады РАН, или ИСКРАН);
- Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР.

Генштаб и ГРУ включены в список отдельно от Министерства обороны, а Отдел США МИД СССР – от Министерства иностранных дел, поскольку они выступают самостоятельными адресатами.

Большинство указанных выше структур (за исключением последних двух) входили в государственный аппарат СССР. Работавшие в них эксперты могут быть названы ведомственными.

Институт США и ИМЭМО составляли экспертно-академическую часть сообщества. На них была возложена особая функция:

По мере исследования указанных проблем должны быть подготовлены и представлены в директивные инстанции докладные записки по соответствующим вопросам и изданы научные монографии и научно-популярные книги².

Но существовала ли какая-то разница между двумя составляющими советского экспертного сообщества, и прежде всего между теми материалами, которые их представители отправляли в ЦК? Для ответа на эти вопросы обратимся к документам.

Документы 5-го фонда РГАНИ можно разделить на два типа: информационные и аналитические записки. Первые были призваны дать информационную выжимку о событии, организации, человеке и т. д. Это могли быть краткие биографии, исторические справки, записки бесед, докладные записки. Нельзя сказать, что они вовсе не содержали в себе анализа или представляли собой исключительно факты без какой-либо интерпретации (это вряд ли вообще возможно); однако их первоочередная задача заключалась в том, чтобы передать ЦК именно информацию. В аналитических материалах, в свою очередь, не столько сообщалось об определенной ситуации, сколько предлагался ее анализ на основе различных данных, иногда сопровождавшийся прогнозами или предложениями.

Согласно документам, ведомственные эксперты писали больше записок информационного характера. Особенно часто их присылали из Первого главного управления КГБ: такие материалы, как правило, содержали развединформацию, которую ведомство собрало за рубежом. Экспертно-академическое сообщество, напротив, направляло больше аналитических материалов.

Тем не менее ведомственные центры могли посылать и аналитические записки, а экспертно-академические – информационные. К примеру, записка Отдела США МИД от 24 июня 1971 г. «О советско-американских отношениях» имела аналитический характер: опираясь на анализ внешней политики администрации Ричарда Никсона и международной обстановки, эксперты рассмотрели перспективы двусторонних отношений и сделали осторожные прогнозы относительно дальнейших намерений США³. Чисто информационный характер имела и одноименная записка от 13 августа 1971 г.: эксперты доложили о позициях США по разным международным вопросам и акцентировали внимание на ходе переговоров в Хельсинки. В приложениях содержались три

²РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 35. Л. 265.

³Там же. Оп. 63. Д. 606. Л. 123–127.

справки: о населении, территории, государственном строе и владениях США; о договоренностях об обмене делегациями в 1950-х и 1960-х гг.; об устройстве и функциях Конгресса США. Каждая из справок размером в одну страницу⁴.

В свою очередь, в 1969 г. Институт США направил в ЦК записку «О пребывании в СССР Ч. Торнтон – председателя компании “Литтон Индастриз”». Записка состояла из трех частей и носила чисто информационный характер: (1) описание поездки, места посещения, цели и задачи, организации, через которые поездка осуществляется, и т. д.; (2) краткая биография Торнтон; (3) запись беседы с Торнтоном, разделенная на три части: «впечатления о поездке в СССР», «о советско-американских отношениях» и «о принципах управления в компании “Литтон Индастриз”»⁵.

Таким образом, имеет смысл говорить о предпочтениях ведомственных и экспертно-академических центров к разным типам материалов, но не об однозначном использовании только одного из них.

Место экспертно-академического сообщества в системе внешнеполитической экспертизы

Правомерно задать вопрос о том, существовала ли какая-то иерархия, приоритет одних записок над другими в зависимости от адресанта? Как само экспертно-академическое сообщество воспринимало своих коллег из государственных структур?

Документы ЦК свидетельствуют о том, что, во-первых, все материалы собирались в одно дело, на них всех стоял гриф «секретно», экспертные структуры обоих типов писали и информационные, и аналитические записки – т. е. они были равны по статусу. Во-вторых, партийные чиновники одинаково интересовались записками и тех, и других. Мы можем судить об этом, изучая пометки, которые оставляли на записках сотрудники ЦК. На основании этих пометок можно сделать вывод о том, что чиновники подробно читали записки вне зависимости от того, кто их написал. Таким образом, с точки зрения ЦК, обе части экспертного сообщества были равнозначны.

Однако со стороны экспертно-академических институтов ситуация виделась иначе. Во-первых, МИД являлся одним из инициаторов основания Института США, о чем вспоминал его

⁴РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 606. Л. 217–222.

⁵Там же. Оп. 61. Д. 558. Л. 119–143.

директор Г.А. Арбатов [Арбатов 2015, с. 123]. Во-вторых, существовала практика рассылки записок «тиражом 50 экземпляров во все заинтересованные инстанции». Из воспоминаний Арбатова можно заключить, что Институт США перенял эту практику [Арбатов 2015, с. 105–106]. Таким образом, для ИМЭМО и Института США экспертные ведомства являлись не коллегами, а заказчиками экспертных оценок наравне с ЦК. В-третьих, некоторые экспертные центры были фактически привязаны к определенным ведомствам. Так, в ИМЭМО существовал Отдел технико-экономических исследований (ОТЭИ), который занимался изучением военно-экономического комплекса зарубежных стран и работал в режиме секретности. Первоначально он вообще располагался не в ИМЭМО, а рядом с комплексом зданий Министерства обороны. В роли основных заказчиков ОТЭИ выступали Госкомитет по науке и технике и Министерство обороны. ОТЭИ был весомой частью ИМЭМО: в 1961 г. в нем работало 90 из 431 сотрудников, а к концу 1960-х гг. – уже 200 (в начале 1970-х гг. общий штат института превышал 700 человек) [Черкасов 2004, с. 499]⁶. В 1970-х гг. ОТЭИ попытались окончательно включить в состав ГРУ, в котором создавался мощный научный центр. Но затея не удалась⁷. Таким образом, экспертно-академическое сообщество видело в ведомствах скорее заказчиков и руководителей.

Кроме того, существовало неравенство в доступе к информации. Записки ведомственных экспертов зачастую были основаны на секретных сведениях, добытых при помощи разведки, или на данных закрытых переговоров. Экспертно-академическая экспертиза основывалась преимущественно на открытых источниках: материалах прессы, книгах, публикациях, разговорах с коллегами-учеными и чиновниками. Даже ОТЭИ использовал открытые источники [Черкасов 2004, с. 307]. Но существуют и другие свидетельства: А.С. Черняев, работавший в 1960–1980-х гг. в Международном, а затем в Общем отделе ЦК, писал, что Н.Н. Иноземцев (директор ИМЭМО) и Г.А. Арбатов были «допущены к сверхзакрытой ин-

⁶Сотрудник ГРУ в отставке В.В. Шлыков приводит другие цифры: «О масштабах деятельности ОТЭИ можно судить хотя бы по тому факту, что к началу 1970-х гг. в нем работало около 400 научных сотрудников при общем штате ИМЭМО в 700 человек». В отличие от Черкасова, который работал в архиве ИМЭМО, Шлыков не приводит никаких ссылок. См.: *Шлыков В.В.* Один в поле не воин [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2007. 23 июня. URL: https://globalaffairs.ru/number/p_8822 (дата обращения 26 янв. 2020).

⁷*Шлыков В.В.* Указ. соч.

формации»⁸. К сожалению, он не пояснял и не иллюстрировал этот тезис примерами. Вероятно, Черняев имел в виду тот факт, что Иноземцев, Арбатов и ряд других сотрудников привлекались для написания речей первым лицам СССР (включая Л.И. Брежнева) и участвовали в подготовке к международным переговорам. Тем не менее в записках ученые-эксперты никогда не ссылаются на «сверхзакрытые» документы.

Статус руководителей и заказчиков, доступ к секретной информации – все это отдаляло ведомственное сообщество от экспертно-академических институтов. Кроме того, ведомственные экспертные центры не вели академическую деятельность, т. е. не писали научных статей, не издавали журналов и монографий, не занимались подготовкой аспирантов. Это направление деятельности сближало экспертно-академическое сообщество с традиционными академическими институтами – они находились в структуре Академии наук, создавали совместные советы внутри АН, писали рецензии на работы друг друга. Конечно, между академическими центрами и экспертно-академическим сообществом существовала дистанция: академические ученые не любили экспертов за близость к государственным структурам и политическую востребованность их работ. Гипотетически мы можем говорить об особой идентичности ученых-экспертов, находившихся между закрытыми ведомствами и классическими научными институтами, но этот вопрос требует специального исследования.

Две функции экспертно-академических центров

Как уже было сказано, экспертно-академические институты чаще писали записки аналитического характера, в которых содержались рекомендации и прогнозы. Собственно ради этого они и создавались. Но почему экспертно-академические институты отправляли также и информационные материалы? Ведомственные центры имели доступ к ценной закрытой информации (развединформация, ход переговоров и т. д.). Чем ЦК могли заинтересовать информационные записки ученых-экспертов? В поисках ответа на этот вопрос проанализируем информационные записки Института США.

⁸Черняев А.С. «...и лично товарищ Брежнев» [Электронный ресурс] // Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). 2006. 21 дек. URL: https://www.gorby.ru/presscenter/publication/show_25484/ (дата обращения 26 янв. 2020).

С момента своего основания этот институт вел активную деятельность по налаживанию научных контактов. В архиве РАН можно найти сотни отчетов о командировках его сотрудников в США и записей бесед с иностранцами (как с посещающими СССР, так и с теми, кого сотрудники встречали в США)⁹. Эти материалы были ценным источником информации «из первых рук»: от американских ученых, политиков и общественных деятелей. Некоторые из таких бесед были по какой-то причине¹⁰ настолько важны, что директор Института США отсылал их в ЦК. Это произошло, например, с отчетом о визите Ч. Торнтон в Москву.

Примечательно, что информационные записки Института США вызывали в ЦК не меньший интерес, чем аналитические. Об этом можно судить по пометкам партийных чиновников. Так, на титульном листе записки, посвященной визиту Торнтон, Д.Ф. Устинов написал: «тов. Сербину И.А. / Прошу ознакомиться и доложить»¹¹. Внизу еще несколько строк: «Архив / Материал информационный / Тов. Устинову Д.Ф. доложено / зам. зав. Отделом / оборон. пром. / (неразборчиво. – И. Т.)». Приложена записка: «Ознакомить секретарей ЦК КПСС (эта часть машинописная, т. е. это стандартная форма. – И. Т.), а точнее гг. Фролова, Сербина, Макарова, Шилина, Голикова»¹². Имена дописаны ручкой: очевидно, что автор примечания взял стандартную машинописную форму и вписал туда имена людей, которые не являлись тогда секретарями ЦК, так что этому противоречию в документе удивляться не следует. На обороте приписка: «т. Голиков отсутствует / 9.Х.68 (неразборчивая подпись. – И. Т.)». К записи беседы с обозревателем «Нью-Йорк таймс» Д. Рестоном приложена записка: «Тов. Суслов М.А. просит доложить этот материал товарищу Брежневу Л.И.»¹³. На титульном листе стоит роспись Суслова, а под ней приписка от Е.М. Самотейкина, референта Л.И. Брежнева: «Доложено Л.И.»¹⁴. В аналитической записке о политике в отношении США тоже есть пометки. На титульном листе Самотейкин написал: «Товарищу Брежневу Л.И. / доложено. / Прошу вернуть в Институт / т. Арбатову Г.А.»¹⁵.

⁹ Архив РАН. Ф. 2021. Оп. 1. Ед. 14–16.

¹⁰ Почему были выбраны те, а не иные отчеты – пока не удалось установить. Эта запись беседы с Ч. Торнтоном есть и в фонде ИСКРАН в архиве РАН (Ф. 2021. Оп. 1. Ед. 16. Л. 255–261) среди сотен таких же записей бесед.

¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 119.

¹² Там же. Л. 120.

¹³ Там же. Оп. 62. Д. 692. Л. 177.

¹⁴ Там же. Л. 178.

¹⁵ Там же. Д. 684. Л. 117.

В текстах записок также много подчеркиваний и пометок. Если в аналитических записках ЦК больше интересовал не сам анализ, а конкретные предложения Института, то в записях бесед – мнения американцев. В записке о визите Ч. Торнтонна внимание чиновников привлекло мнение американского предпринимателя об СССР и его опыт управления крупной компанией (американская реформа управления и американские принципы управления вообще интересуют советскую элиту в тот период; вероятно, это связано с незакончившимися косыгинскими реформами и поисками путей модернизации). В беседе с Д. Рестоном подчеркнуты его оценки президента США Р. Никсона, советско-американских отношений, а также просьба об интервью с Л.И. Брежневым.

Это лишь отдельные примеры. К сожалению, в рамках этой статьи невозможно подробно проанализировать круг проблем, на которые обращали пристальное внимание в ЦК, установить авторов пометок и т. д. – этому должно быть посвящено отдельное исследование. Пока важно отметить другое: аналитические и информационные записки экспертно-академического сообщества вызывали одинаковый интерес у сотрудников ЦК КПСС. Исследовательская работа, экспертный анализ, обоснованные предложения и прогнозы казались такими же важными, как и записи бесед с американцами, позволявшие узнать об их опыте, восприятии СССР и т. д.

Таким образом, экспертно-академические институты ценились руководством страны не только за их прямые функции. Сотрудники институтов АН в отличие от ведомственных экспертов имели статус формально независимых ученых, у которых были «развязаны руки» за счет их привилегированного положения в системе общественно-политических и гуманитарных наук СССР. Пользуясь этим, они выстраивали целую сеть научных контактов с американскими учеными, политиками и общественными деятелями, вели с ними формальные и неформальные разговоры, вступали в переписку, рекомендовали приглашать их в СССР и т. д. Полученные сведения использовались в работе над записками¹⁶ и иногда отсылались наверх. Для советского руководства это был ценный источник, который значительно отличался от традиционных каналов информации.

Это направление деятельности экспертно-академических институтов требует отдельного изучения в контексте советской научной дипломатии.

¹⁶Например: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 692. Л. 173.

Заключение

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. в СССР параллельно существовала как академическая, так и ведомственная внешнеполитическая экспертиза. Для ее главного заказчика, ЦК КПСС, обе части экспертного сообщества были важны в равной степени. Тем не менее представители академических институтов воспринимали экспертов из государственных структур скорее как заказчиков и руководителей, чем как коллег.

Экспертно-академические институты готовили как аналитические, так и информационные записки. Судя по всему, эти институты представляли собой не только «мозговые центры», дающие рекомендации и выстраивающие прогнозы развития событий, но и важные каналы информации, получаемой путем формальных и неформальных бесед с представителями американской науки, политики и бизнеса.

Последний аспект представляется особенно интересным для дальнейшего изучения экспертно-академического сообщества как фактора советско-американских отношений в период холодной войны. Ученые-эксперты регулярно ездили в командировки и встречались с иностранцами. Это было необходимо для работы над записками и позволяло оперативно получать свежую информацию и мнения американских коллег. Кроме того, это способствовало развитию научной дипломатии и налаживанию связей с самыми разными слоями американского общества. Таким образом, опосредованное (через аналитические записки) и непосредственное (через информационные материалы и научную дипломатию) влияние этих встреч и бесед на двусторонние отношения нельзя недооценивать.

Литература

- Арбатов 2015 – *Арбатов Г.А.* Человек системы. М.: Центрополиграф, 2015. 416 с.
- Тарбеев 2018 – *Тарбеев И.М.* Становление советской американистики как экспертно-академической дисциплины в 1950–1960-е гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 3 (13). С. 77–92.
- Черкасов 2004 – *Черкасов П.П.* ИМЭМО: портрет на фоне эпохи. М.: Весь мир, 2004. 572 с.

References

- Arbatov, G.A. (2015), *Chelovek sistemy* [A man of the system], Centropoligraf, Moscow, Russia.

- Cherkasov, P.P. (2004), *ИМЕМО: portret na fone epoхи* [ИМЕМО: portrait on the background of the era], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Tarbeev, I.M. (2018), "Stanovlenie sovetskoj amerikanistiki kak ekspertno-akademicheskoi distsipliny v 1950–1960-e gg." [The formation of American Studies in the USSR as an expert and academic discipline in the 1950s–1960s], *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 77-92.

Информация об авторе

Игорь М. Тарбеев, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; actimel@yandex.ru

Information about the author

Igor M. Tarbeev, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, 125993, Russia; actimel@yandex.ru

Холодная война и международные отношения
в постбиполярном мире
в свете теории гегемонистской стабильности

Анастасия В. Митрофанова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, anastasia-mit@yandex.ru*

Аннотация. Теория гегемонистской стабильности (ТГС) представляет собой системную разновидность политического реализма, утверждающую, что смена мировых гегемонов происходит в результате глобальной войны, которая приводит к временной стабилизации мирового порядка. Постепенно сила гегемона убывает, после чего другие великие державы получают возможность бросить ему вызов. На короткий период возникает многополярный мировой порядок, затем гегемон и коалиция соперников начинают новую войну за мировое господство. ТГС предполагает, что после 1945 г. гегемоном являлись Соединенные Штаты Америки, а соперником – Советский Союз. То, что соперничество приобрело характер холодной войны, обычно объясняют изобретением оружия массового поражения. В статье сделано предположение, что конфронтация США – СССР носила не геополитический, а идеологический характер, что сделало невозможным «нормальное» гегемоническое соперничество сверхдержав. Система 1945–1991 гг. не являлась гегемонистской в полном смысле. Это была псевдобиполярная система, поскольку взаимосвязи между социалистическим и капиталистическим лагерями практически отсутствовали. США являлись безоговорочным гегемоном для капиталистической части мира, в то время как социалистическая часть во главе с СССР вообще не участвовала в геополитической борьбе за лидерство.

Ключевые слова: теория гегемонистской стабильности, холодная война, идеологическая конфронтация, псевдобиполярная система

Для цитирования: Митрофанова А.В. Холодная война и международные отношения в постбиполярном мире в свете теории гегемонистской стабильности // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. С. 22–36. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-22-36

Cold war and international relations in the post-bipolar world in the light of hegemonic stability theory

Anastasiya V. Mitrofanova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
anastasia-mit@yandex.ru*

Abstract. According to the hegemonic stability theory (HST), the change of world orders takes place as a result of wars for world leadership. Immediately after the end of such wars, world order becomes temporarily stable. Then the hegemonic power erodes; the “phase of challenge” comes when the other world powers start making plans about replacing the hegemon. At this stage a multipolar world political system emerges, consisting of the hegemon and its challengers who wage the next world war. HST suggests that in 1945 the USA became the world hegemon and the USSR played the role of its rival. The war for world leadership became “cold” due to both parties having nuclear weapons. The article suggests that the USSR – US confrontation was not so much geopolitical, as ideological. This fact made impossible a “normal” hegemonic competition of the superpowers. The 1945–1991 system was not hegemonic in the full sense. It was a pseudo-bipolar system (“pseudo” – because there was no mutual dependence between the capitalist and the socialist camps): the USA was an unequivocal hegemon for the capitalist part; the socialist part, headed by the USSR, has never participated in the geopolitical struggle for world leadership.

Keywords: hegemonic stability theory, cold war, ideological confrontation, pseudo-bipolar system

For citation: Mitrofanova, A.V. (2020), “Cold war and international relations in the post-bipolar world in the light of hegemonic stability theory”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 22–36, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-22-36

Введение

Большинство современных авторов, даже не разделяющих теорию гегемонистской стабильности, не подвергают сомнению факт «биполярности» мировой политической системы в период холодной войны, тем самым имплицитно поддерживая идею ТГС о соперничестве за гегемонию между СССР и США. Мы же предполагаем, что биполярность периода холодной войны являлась кажущейся. В условиях идеологической и (как следствие) экономической несовместимости западной и советской систем речь не

могла идти о соперничестве за геополитическое господство, так как такое соперничество предполагает наличие единого центра управления. Цель статьи заключается в том, чтобы оценить применимость теории гегемонистской стабильности к периоду холодной войны. Достижению этой цели служит решение следующих задач: (а) установить исторические причины превращения реализма, в том числе системного, в доминирующий подход теории международных отношений (МО); (б) обосновать методологическую полезность ТГС для анализа структуры мировой политической системы; (в) выявить расхождения между теоретическими подходами ТГС и реальными характеристиками отношений западного и советского блоков в период холодной войны.

Превращение политического реализма в доминирующий подход к анализу международных отношений

Вероятно, все, кто получил высшее образование в Советском Союзе и изучал марксистско-ленинскую философию, знакомы с «основным вопросом философии»: «Что первично – материя или дух?» Интересной выглядит мысль о возможности сформулировать подобные «основные вопросы» для других дисциплин, в частности для теории МО. Методологическая полезность такого вопроса в том, что он позволяет, во-первых, почти безошибочно отнести любую конкретную теорию к одному из уже существующих подходов (ориентируясь на то, как она отвечает на «основной вопрос»), и, во-вторых, дает возможность создания совершенно новых теорий, не принадлежащих ни к одному из существующих подходов. Помимо этого, ориентируясь на попытки разрешить «основной вопрос», можно с относительной точностью установить момент перехода изучения мировой политики и международных отношений в разряд научных дисциплин, поддающихся верификации. По мнению автора, в качестве основного вопроса теории МО может выступать следующий: что определяет действия государства или других акторов на международной арене? Именно ответом на данный вопрос различаются различные подходы, внутри которых конкретные авторы и целые школы формулируют отдельные теории. Следует учитывать, что по меньшей мере до 1960-х гг. (если не учитывать классического марксизма, который все же нельзя назвать подходом в теории МО) государство рассматривалось как единственный допустимый актор; соответственно, под его действиями подразумевали, главным образом, вступление в войну

или воздержание от войны. Основной вопрос на ранних этапах развития теории МО звучал бы приблизительно так: «По каким причинам государство вступает или не вступает в войну?» Тогда первым подходом, претендовавшим на научность в теории МО, следует признать классическую геополитику рубежа XIX и XX вв., которая давала на основной вопрос однозначный ответ: действия государства (точнее – вступление в войну) определяются его географическим положением: островные государства ведут себя не так, как континентальные, и т. д. Несмотря на то что классическая геополитика существует до сей поры, ее проблемы с верификацией очевидны: география объясняет далеко не все в поведении государств, поэтому в классической геополитике быстро начали появляться «странные» объяснения: например, расположенная на островах Япония стала континентальным государством, Соединенные Штаты – островом, и т. п.

Следует отметить, что геополитика с ее несовершенными попытками найти научное объяснение поведению государства находилась на периферии современной ей теории МО. Господствующий подход строился в рамках общефилософских или общеэтических рассуждений, в частности действие государства объясняли такими факторами, как «добрая воля» или «взаимное согласие», которые сами по себе ничего не объясняют. Теория МО была чем-то вроде гибрида моральной философии с государственным правом, и занимались ею в основном философствующие юристы наподобие Вудро Вильсона. Неудивительно, что попытки действовать в соответствии с принципом «вильсоновского идеализма», провозглашающего существование общих для всех государств нравственных ценностей, уважение которых даст возможность избежать военных конфликтов, закончились провалом. Как пример можно взять и Пакт Бриана – Келлога, и создание Лиги Наций, причем Карл Шмитт, представлявший классическую геополитику, заранее предупреждал о крахе этого проекта именно по причине идеалистических ожиданий вильсоновцев. Декларирование гуманных и разумных норм международного права не предотвратило ни Второй мировой войны, ни локальных войн 1930-х гг.

В контексте неудачи Лиги Наций появление политических реалистов (Э. Карр, Х. Моргантау и др.) представляло собой методологический прорыв. Реалисты, объяснявшие действия государства на международной арене не моральными принципами, а *национальными интересами*¹, обеспечили возможность не только трактовать

¹Государство и нация не являются, строго говоря, синонимами. В научной литературе используется термин «безгосударственная нация»,

постфактум, но и прогнозировать поведение государств, в частности вероятность их вступления в войну (например, она возрастает, если затронуты жизненно важные интересы). Реалисты полагали, что их метод дает возможность оценивать внешнеполитические решения, не прибегая к помощи морали: задавшись вопросом, способствует ли данное решение сохранению и наращиванию силы государства или ведет к утрате силы и ослаблению. Такая оценка, по мнению Ханса Моргентау, научна и объективна, так как сила является нейтральным понятием, в то время как представления о морали социально обусловлены и вариативны [Morgenthau 1962, p. 80]. Однако необходимость реализации национального интереса Моргентау объяснить не мог и ссылаясь – недалеко уходя здесь и от классической геополитики, и от своих противников-идеалистов – на «естественное» стремление человека к господству [Brown 1992, p. 19]².

Для реалистов сотрудничество в мировой политике может быть только случайным, хотя ни один из них не может отрицать его существования. Возможности государств для реализации эгоистических интересов, естественно, различны, поэтому из хаоса международных отношений быстро складывается определенный порядок: государства объединяются в союзы. Но эти объединения носят временный характер, так как в рамках реализма невозможно объяснить периоды долгосрочной стабильности. Единственной формой сотрудничества предстают временные альянсы. Политические реалисты не отрицали возможности стабилизации международных отношений, но настаивали на ее кратковременном характере. Помимо этого, механизм стабилизации в классическом реализме остается неясным. Временные альянсы должны быть очень короткими и быстро перегруппировываться, не позволяя говорить о какой-либо системе.

Несмотря на все проблемы и недочеты реализма, крах Лиги Наций подтверждает, что он был теорией, адекватной моменту, так как демонстрировал невозможность долгосрочного мира и стабиль-

обозначающий этническую группу, живущую на территории какого-то государства, но не признающую его легитимности и желающую создать собственное государство. Следует говорить о государственном интересе, а не об интересах «наций» (например, не имеющих собственных государств). Английское *national interest*, французское *raison d'état*, немецкое *Staatsraison* означает «государственный интерес».

²Сходство с идеалистами заключается в попытке объяснить международные отношения, исходя не из них самих, а из философских умозаключений о человеческой природе.

ности на основе общих моральных ценностей. Взгляды реалистов стали базовым принципом анализа внешней политики в послевоенной американской теории МО. Методология реализма считалась достаточной для понимания того, что американские политологи и государственные деятели считали истинными мотивами поведения СССР, который заявлял, что не преследует национальных интересов. Некоторые авторы-реалисты (прежде всего Джордж Кеннан, Джеймс Бернхам) утверждали, что СССР, прикрываясь идеологией, как и остальные сильные государства, стремится к сохранению и расширению сферы своего влияния, к империалистическим захватам. Эти идеи послужили основой для разработки политики сдерживания СССР в географических границах послевоенного периода, а впоследствии для появления в американском внешнеполитическом словаре понятия «доктрина Брежнева», которое с точки зрения мотивов приравнивало СССР к капиталистическим государствам. Но проблемы политического реализма лежали намного глубже неправильного понимания мотивов Советского Союза.

Методологическая полезность теории гегемонистской стабильности применительно к периоду холодной войны

Главная методологическая проблема классического реализма заключается в его принципиальном стремлении рассматривать государства в качестве базовых элементов анализа [Burchill 1996, p. 80]. С точки зрения реализма, в мировой политике нет и не может быть особых типов государств; все государства функционально одинаковы и различаются только уровнем силы [Waltz 1979, p. 96]. Между тем для сложных систем (а МО являются именно такой системой) первоочередную важность представляет не анализ элементов, то есть государств, а анализ связей и отношений между ними [Поздняков 1976, с. 46]. Поэтому возникает системный реализм (К. Уолц, Р. Гилпин, Дж. Модельски), подхвативший гоббсианское наследие предшественников и объявивший хаос международных отношений тем «естественным состоянием», которое, возможно, существовало некогда в прошлом, но на самом деле представляет собой умозрительную конструкцию. Системный реализм предлагает перенести исследовательское внимание с отдельных государств, предположительно движимых рациональными интересами, на отношения в мировой системе в целом, где поведение отдельного государства в большей степени определяется логикой системы. Последнее методологически точнее, так как стремление государ-

ства накапливать силу объясняется не «человеческой природой», а системными требованиями [Burchill 1996, p. 85–86].

Исследователь имеет дело уже не с хаосом, а с мировым порядком, то есть системой межгосударственных отношений в конкретный момент времени. Системные реалисты предположили, что мировые порядки обладают не только пространственной, но и временной конфигурацией. Первый мировой порядок формируется примерно в конце XV – начале XVI в. и обычно ассоциируется с подписанием в 1494 г. Тордесильяского договора, уточнившего границы между владениями монархов Испании и Португалии в Новом Свете [Modelski 1987, p. 25]. Многие авторы – далеко не только реалисты – полагают, что история прошла через следующие циклы гегемонии, или мировые порядки: португальский, голландский, первый и второй британский, и наконец, американский, начавшийся после 1945 г. [Modelski 1987, p. 40]. В каждом цикле определенное государство является мировым гегемоном или лидером. Джордж Модельски полагал, что циклы гегемонии совпадают с «кондратьевскими циклами» в экономике. С этой схемой соглашался также И. Валлерстайн (которого, конечно, нельзя назвать политическим реалистом, даже системным), выделяя четыре цикла гегемонии – «спинной хребет» империи Габсбургов, Голландия, Британия и США [Hopkins, Wallerstein 1983]. «Спинной хребет» составляют Фландрия, южная Германия, северная Италия и Испания – при безусловном превосходстве Португалии, когда речь идет о морской торговле [Wallerstein 2011, p. 165].

Теория гегемонистских циклов позволяет объяснить долгосрочную стабильность, не выходя из рамок реализма. Она получила название теории гегемонистской стабильности, так как периоды стабилизации и дестабилизации мировой системы связываются с подъемом и упадком одного государства. Установление власти очередного гегемона происходит в результате мировых войн (то есть войн за гегемонию). После того как война заканчивается, мировой порядок временно стабилизируется [Gilpin 1981, p. 51], так как власть полностью сконцентрирована в руках гегемона, а другие государства не подвергают сомнению его превосходство. Гегемон не просто господствует над другими государствами или эксплуатирует их, он действительно создает мировой порядок, обеспечивая относительную безопасность и возможность свободного торгового обмена [Gilpin 1981, pp. 34–36].

Упадок гегемона неизбежен в связи с его стремлением заниматься буквально всеми мировыми делами, что приведет к «имперскому перенапряжению» [Kennedy 1987]. Наступает фаза нестабильности и высокого риска межгосударственного конфликта. Она

именуется также фазой вызова: гегемон демонстрирует снижение силы, поэтому соперники получают возможность подвергнуть его власть сомнению и развязать следующую войну. Эпоха мира заканчивается вместе с очередной фазой гегемонистского господства [Gilpin 1981]. Таким образом, мировая система развивается от многополярности к однополярности и затем снова к многополярности. Очередной гегемон чаще всего является членом коалиции, которая вела войну на стороне предыдущего, причем это должен быть наименее пострадавший член коалиции, обычно вступивший в войну позже других. Важными являются характеристики не только гегемона, но и соперника. Он выступает как полная противоположность гегемону: если гегемон это всегда морская держава, то соперник – сухопутная, у гегемона политическая система «открытая», у соперника – «закрытая» и т. д. [Modelski 1987, pp. 220–227].

Теория гегемонистской стабильности имеет ряд серьезных недостатков. Прежде всего она не учитывает, что «эпоха государств» началась чуть более 350 лет назад, когда закончилась война между протестантской и католической коалициями в Европе. Неясно, о каком соперничестве Португалии с Испанией может идти речь в первой половине XVI в., если территориальные консолидированные государства в современном смысле еще не существовали [Tilli 1975]. Теория подразумевает многочисленные анахронизмы, позволяя, например, Модельски утверждать, что Россия является национальным государством с 1552 г., с момента взятия Казани [Modelski 1987, p. 147]. Можно привести критическое замечание Гилпина о теории Модельски:

Несмотря на то, что столетний цикл войны и мира, возможно, существует, данная идея остается умозрительной, хотя и интересной, до прояснения механизма, который определяет и производит эти циклы [Gilpin 1981, p. 205].

Тем не менее Гилпин согласен с Модельски по поводу двух последних циклов.

Нельзя отрицать, что при всей абстрактности ТГС, которая плохо накладывается на историческую реальность, она хорошо подходит для объяснения двух последних циклов гегемонии. По мнению Модельски, первый британский цикл продолжался с 1714 по 1792 г., когда он был прерван революционными и наполеоновскими войнами (соперник: Франция), чтобы после их окончания перейти во второй британский цикл, продолжавшийся с 1815 по 1914 г. Период 1914–1945 гг. Модельски рассматривает как единую войну за мировую гегемонию [Modelski 1987, p. 40], в которой соперником

Британии является Германия, относительно новое, по европейским меркам, государство. В соответствии с теорией, гегемония переходит к наименее пострадавшему члену коалиции, сражавшейся на стороне прежнего гегемона, то есть к США.

Можно сказать, что послевоенный мировой порядок был триумфом ТГС, так как в этот период фразу «биполярная система» начинают употреблять повсеместно, а разговор о полярности всегда подразумевает наличие гегемонии.

Теория гегемонистской стабильности и отношения западного и советского блоков в период холодной войны

Признавая, что американский цикл начинается с 1945 г., теоретики системного реализма трактуют СССР в качестве соперника [Modelski 1987, p. 11; Gilpin 1981, p. 241]. Обладая всеми видимыми качествами такого соперника (континентальный характер, авторитарное управление и т. д.), это государство превосходно вписывается в систему до момента своего распада в 1991 г. Ранее случаи исчезновения соперника еще до начала войны за мировое господство не отмечались в стройной ТГС. Эта странность позволяет предположить, что система 1945–1991 гг. не была в полном смысле гегемонистской. Противостояние СССР и США было не геополитическим, а идеологическим, что исключало возможность нормального гегемонистского соперничества между ними. Вместо него возникла аномальная биполярная псевдосистема с незначительным числом взаимосвязей.

Автор использует понятие «псевдосистема», так как социалистическая и капиталистическая системы хозяйства сосуществовали относительно независимо друг от друга. Внутри каждая из них была достаточно интегрирована, но характер внутренних экономических связей затруднял взаимодействие между системами. Отношения между элементами этих систем существенно различались: в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) обмен носил неэквивалентный характер, а разделение труда имело специфический оттенок: политический лидер блока (СССР), вместо того чтобы черпать ресурсы из предполагаемых «колоний», снабжал их топливно-энергетическим сырьем, способствуя развитию промышленности стран Восточной Европы и возлагая бремя военных издержек на собственную экономику и окружающую среду. Это нельзя назвать торговлей, скорее – «системой централизованного бартера» [Россия и Центрально-Восточная

Европа 2005, т. 2, с. 164–165]. СССР продавал дорогостоящее сырье по ценам, заниженным по сравнению с мировыми, а покупал восточноевропейский ширпотреб среднего качества – по завышенным. За 1970–1984 гг. общая сумма выигрыша от торговли с СССР, накопленного странами ЦВЕ, составила 196 млрд долл. Такая система не могла взаимодействовать с капиталистической экономикой, за исключением небольшого числа специальных изолированных каналов.

Очевидно, что поведение СССР отличается от поведения обычного (точнее, *сильного*) капиталистического государства. Советский Союз не преследовал каких-либо рационально объяснимых национальных интересов, раздавая собственные ресурсы партнерам по СЭВ или даже просто третьим странам, лидеры которых обещали поразмышлять над возможностью перехода к социалистическому пути развития. Уровень жизни в СССР серьезно отличался – в худшую сторону – от среднего уровня жизни в странах народной демократии. СЭВ успешно решал задачу выравнивания уровней развития стран-членов. Некоторые отсталые национальные экономики (например, Социалистическая Федеративная Республика Югославия) смогли осуществить модернизацию без особых социальных потерь. Технические и научные инновации из страны в страну передавались безвозмездно.

Существовала также проблема социалистического разделения труда, которую невозможно объяснить, оставаясь на позициях реализма. Внутреннюю организацию экономики социалистического блока определяли не чьи-либо интересы (менее всего – советские), а стремление руководства СССР досконально следовать экономическим представлениям марксизма XIX в. Каждая страна пыталась создать замкнутую национальную экономику, едва ли не со всеми отраслями (например, почти каждая страна Восточной Европы производила собственный низкокачественный автомобиль вместо того, чтобы производить одну «социалистическую модель», но приемлемого качества). Разделение труда в СЭВ носило межотраслевой характер, в то время как капиталистические страны Европы переходили на поузловую и подетальную специализацию предприятий. В результате недостаточного разделения труда промышленные связи между предприятиями разных социалистических стран были слабыми.

Накопившиеся проблемы в экономических отношениях внутри социалистического лагеря в сочетании с ослаблением советского контроля за компартиями стран народной демократии привели к тому, что социалистические страны стали обращаться за кредитами в западные финансовые организации. Польская Народная Респуб-

лика к началу 1980-х гг. задолжала кредиторам около 26 млрд долл. Огромные долги, естественно, вызвали инфляцию и нехватку товаров повседневного спроса. По иронии судьбы поводом для охвативших страну забастовок было расширение продажи мяса по коммерческим ценам. Большинство рабочих, даже членов профсоюза «Солидарность», не выступали за переход к капитализму (они требовали, например, передачи управления предприятиями рабочим советам), но лидеры движения, получавшие поддержку Запада, использовали протестные настроения в своих целях.

В ретроспективе очевидно, что западные страны уже тогда отработывали тактику мирной смены режима в странах народной демократии, используя кредитование как рычаг давления. Существование социалистической системы представляло вызов капиталистическому миру и мешало ему нормально функционировать, так как практики насильственного открытия иностранных рынков для западного капитала, характерные для XIX – начала XX в. (разнообразные варианты «политики большой дубинки»), теперь могли подтолкнуть третьи страны в сторону сближения с социалистическим лагерем.

Социалистическая Республика Румыния осталась единственной европейской социалистической страной, которая к 1989 г. выплатила западным кредиторам около 20 млрд долл. своего долга, но это было достигнуто введением режима жесткой экономии, ударившего по покупательной способности населения. Почти все, производимое промышленностью в конце 1980-х гг., уходило на выплаты: например, только 6,3% бензина поступало на внутренний рынок [Россия и Центрально-Восточная Европа 2005, т. 2, с. 466]. Положение Румынии несколько облегчало наличие собственных запасов нефти, какое-то время позволявших ее руководству лавировать между СССР и Западом.

Самым сложным экономическим годом для Восточной Европы стал 1989-й – все показатели экономического и социального развития резко изменились в худшую сторону. В то же самое время правящие партии были поражены кризисом и неспособны решать управленческие задачи. Однако импульс распада социалистической системы исходил не из Восточной Европы, а из Москвы. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. Горбачев сделал ряд заявлений, свидетельствующих о том, что он отказывается от «доктрины Брежнева» и что события в странах Восточной Европы являются их внутренним делом. Никакой помощи рушащимся социалистическим режимам Советский Союз не оказал, более того, он первым вышел из расчетов в переводных рублях, уничтожив финансовую систему СЭВ.

Резкое изменение поведения СССР позволяет в ретроспективе подвергнуть сомнению его понимание политическими реалистами как обычного империалистического государства, прикрывающегося социалистической риторикой. В тот момент, когда поведение СССР изменилось, стало ясно, что раньше Советский Союз представлял собой идеократическое государство, ориентированное не на защиту национальных интересов, а на построение коммунистического общества, что предполагало, помимо прочего, постепенное исчезновение всех государств. Такое государство не заинтересовано в борьбе за гегемонию, в лучшем случае гегемония может стать для него тактическим ходом на пути к глобальному бесгосударственному и бесклассовому обществу. Параллельно с отказом от построения социализма и коммунизма Советский Союз пытается перейти к внешней политике в духе реализма, сокращая ненужные расходы в период экономических трудностей. Этот переход так и не завершился вследствие продолжения процесса распада и образования новых независимых государств, включая Россию. Можно отметить, что Россия, после короткого периода увлечения министра иностранных дел А. Козырева вильсонизмом, уже в середине 1993 г. перешла к реалистической (силовой) внешней политике, если не практически, то на уровне риторики.

Заключение

Основной вывод статьи состоит в том, что, хотя конфликт СССР и Запада был представлен последним как геополитический, его разрешение в пользу капиталистической системы произошло не геополитическим, а экономическим путем. Мировой войны за мировую гегемонию не случилось, Соединенные Штаты сохранили свою позицию, в то время как их предполагаемый соперник сначала добровольно разрушил сферу своего влияния, а затем самоликвидировался. Идея «биполярного мира», в котором социалистическая и капиталистическая системы являются геополитическими соперниками, представляет собой маскировочную пелену, с помощью которой от глаз западной публики скрывали идеологическую природу глобального противостояния. Политика в отношении советского блока свидетельствует, что США и их союзники не видели в странах социализма геополитических противников в борьбе за гегемонию: вместо того чтобы формировать коалицию для гегемонистской борьбы, западные страны пошли по пути размывания экономической границы между капиталистическим и социалисти-

ческим лагерями, после чего тема геополитического соперничества потеряла смысл.

После распада псевдобиполярной системы и глобализации капиталистической экономики следовало ожидать формирования нового противостояния между гегемоном и соперником. Тем не менее в настоящий момент, при очевидном упадке гегемона, на мировой арене не наблюдается ни единственного соперника, ни коалиции. В обозримом будущем ни одно из существующих государств не сможет бросить вызов гегемонии США. Такая ситуация ставит под вопрос всю теорию гегемонистской стабильности, превращая ее из метатеории в один из вариантов объяснения глобальных политических процессов в конкретный исторический период протяженностью примерно в двести лет (конец XVIII – конец XX в.). Вполне возможно, что появление этой теории связано с формированием национальных государств, а ее кризис – с глобализацией и угасанием роли государства.

Литература

- Поздняков 1976 – *Поздняков Э.А.* Системный подход и международные отношения. М.: Наука, 1976. 159 с.
- Россия и Центрально-Восточная Европа 2005 – Россия и Центрально-Восточная Европа: Трансформации в конце XX – начале XXI в. / Отв. ред. С. Глинкина, И. Орлик: В 2 т. М.: Наука, 2005. Т. 1. 357 с.; Т. 2. 410 с.
- Brown 1992 – *Brown S.* International Relations in a Changing Global System: Toward a Theory of the World Polity. Boulder, Co: Westview Press, 1992. 190 p.
- Burchill 1996 – *Burchill S.* Realism and Neo-realism // Burchill S., Linklater A. Theories of International Relations. Houndmills, etc.: Macmillian Press, 1996. P. 68–93.
- Gilpin 1981 – *Gilpin R.* War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 272 p.
- Hopkins, Wallerstein 1983 – *Hopkins T.K., Wallerstein I.* Cyclical Rhythms and Secular Trends of the Capitalist World-Economy: Some Premises, Hypotheses, and Questions // Hopkins T.K., Wallerstein I. and associates. World-systems Analysis: Theory and Methodology. Beverly Hills: Sage, 1983. P. 104–120.
- Kennedy 1987 – *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers. New York: Random House, 1987. 704 p.
- Modelski 1987 – *Modelski G.* Long Cycles in World Politics. L.: Macmillan Press, 1987. 256 p.
- Morgenthau 1962 – *Morgenthau H.* The Decline of Democratic Politics. Chicago: University of Chicago Press, 1962. 431 p.
- Tilly 1975 – *Tilly Ch.* (ed.) The Formation of National States in Western Europe. Princeton: Princeton University Press, 1975. 711 p.

Wallerstein 2011 – *Wallerstein I. The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. Berkeley: University of California Press, 2011. 444 p.

Waltz 1979 – *Waltz K. Theory of International Politics*. N.Y.: McGraw-Hill, 1979. 251 p.

References

Brown, S. (1992), *International Relations in a Changing Global System: Toward a Theory of the World Polity*, Westview Press, Boulder, Co.

Burchill, S. (1996), “Realism and Neo-realism”, in Burchill S., Linklater A. (eds.), *Theories of International Relations*, Macmillian Press, Houndmills, etc., UK, pp. 68-93.

Gilpin, R. (1981), *War and Change in World Politics*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Glinkina, S. and Orlik, I. (eds.) (2005), *Rossiia i Tsentral’no-Vostochnaya Evropa. Transformatsii v kontse XX – nachale XXI v.* [Russia and Central East Europe. Transformation at the end of the 20th – beginning of 21st century], in 2 vols., Nauka, Moscow, Russia.

Hopkins, T.K. and Wallerstein, I. (1983), “Cyclical rhythms and secular trends of the capitalist world-economy: some premises, hypotheses, and questions”, in Hopkins, T.K., Wallerstein, I. and associates, *World-systems Analysis: Theory and Methodology*, Sage, Beverly Hills, USA, pp. 104-120.

Kennedy, P. (1987), *The Rise and Fall of the Great Powers*, Random House, New York, USA.

Modolski, G. (1987), *Long Cycles in World Politics*, Macmillan Press, London, UK.

Morgenthau, H. (1962), *The Decline of Democratic Politics*, University of Chicago Press, Chicago, USA.

Pozdnyakov, E.A. (1976), *Sistemny i podkhod i mezhdunarodnye otnosheniya* [Systemic Approach and International Relations], Nauka, Moscow, Russia.

Tilly, Ch. (ed.) (1975), *The Formation of National States in Western Europe*, Princeton University Press, Princeton, USA.

Wallerstein, I. (2011), *The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. University of California Press, Berkeley, USA.

Waltz, K. (1979), *Theory of International Politics*, McGraw-Hill, New York, USA.

Информация об авторе

Анастасия В. Митрофанова, доктор политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5; anastasia-mit@yandex.ru

Information about the author

Anastasiya V. Mitrofanova, Dr. of Sci. (Political Science), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993;

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 5, bld. 24/35, Krzhyzhanovskii Street, Moscow, Russia, 117218; anastasia-mit@yandex.ru

Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения

Наталья А. Цветкова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, n.tsvetkova@spbu.ru*

Аннотация. Статья оценивает итоги развития такого явления в мировой политике, как цифровая дипломатия, и освещает ход дискуссии о научных подходах к изучению данного феномена. Цифровая дипломатия как правительственный механизм влияния на пользователей социальных сетей начиная с 2009–2010 гг. прошла два этапа в своем развитии, меняя концептуальный фундамент (от «мягкой силы» к «острой силе»), подходы (от распространения позитивного имиджа государства к распространению негативных постов о целевых странах), методы влияния на интернет-аудиторию (от прямого диалога к созданию идеологически противоположных пабликов и обострению дискуссий). В 2018–2020 гг. цифровая дипломатия вступила в третий этап развития, когда искусственный интеллект и обработка больших данных стали ее частью, способствуя проведению политики информационного противостояния. Автор рассматривает теории реализма и конструктивизма, которые применимы для исследования цифровой дипломатии, и на примере Сирии и Венесуэлы показывает, как анализ хэштега (hashtag tracking), сетевой анализ (network analysis), сентимент-анализ (sentiment analysis), а также анализ мнений и взглядов (opinion mining) могут использоваться при изучении цифровой дипломатии отдельных стран.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, США, Россия, международные отношения

Для цитирования: Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. С. 37–47. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-37-47

The digital diplomacy as a phenomenon of international relations: Research methodology

Natal'ya A. Tsvetkova

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
n.tsvetkova@spbu.ru*

Abstract. The article discusses the digital diplomacy in terms of historical development in world politics and in terms of conceptual approaches relative to the study of the digital diplomacy. The digital diplomacy as a government mechanism to have an impact on users of social networks has been examined through two stages in its development. During the periods of 2019–2012 and 2013–2017, the digital diplomacy modified its conceptual fundamentals (notably from the concept of soft power to the concept of sharp power), revised its approaches (notably from the dissemination of a positive image of a state to the spreading of negatively toned messages about the target countries), and amended its ways so as to influence the users (notably from the establishment of a direct dialogue to the establishment of ideologically opposing publics that amplified discussions). During the period of 2018–2020, the digital diplomacy entered the third stage of the development, when AI and big data became a cohesive part of the digital diplomacy and contributed to the politics of informational deterrence. The author also examines the theories of realism and constructivism that are relevant to the study of the digital diplomacy. The cases of Syria and Venezuela demonstrate the application of the hashtag tracking, network analysis, sentiment analysis, and opinion mining in the study of digital diplomacy.

Keywords: digital diplomacy, United States, Russia, international relations

For citation: Tsvetkova, N.A. (2020), “The digital diplomacy as a phenomenon of international relations: Research methodology”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 37–47, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-37-47

Введение

Цифровая дипломатия как правительственный механизм влияния на пользователей социальных сетей появилась в системе международных отношений примерно в 2009–2010 гг. Именно тогда государственные структуры таких стран, как США, Россия, Франция, Германия, Китай и Иран, приступили к созданию официальных учетных профилей (аккаунтов) на платформах *Facebook*,

Twitter, YouTube и др., а международные медийные компании, включая *Voice of America, Russia Today* и *PressTV*, запустили первые цифровые каналы вещания в социальных сетях.

Развитие цифровой дипломатии можно разделить на два этапа. Первый этап – это 2009–2012 гг., когда цифровая дипломатия продвигала позитивный образ государства, а концепция «мягкой силы», состоящая в привлечении целевой аудитории при помощи убеждения, диалога и пр., использовалась как императив для нарождающегося феномена. Тогда еще не существовало идей о стратегии цифровой дипломатии или цифровых информационных кампаниях, перед ее организаторами ставились тактические задачи, а такие современные понятия, как «большие данные» или методы анализа аудитории, не были у всех на слуху. Многие эксперты связывают развитие цифровой дипломатии в тот период с такими явлениями, как твиттер-революции, твипломаси (*twiplomacy*) и др. [Manor 2019].

Второй этап относится к 2013–2017 гг., когда появились новые методы анализа поведения пользователей социальных сетей, что сделало цифровую дипломатию крайне эффективным средством для проведения политических кампаний, выборов или протестных акций. Концепция «острой силы» [Nye 2018], использование больших данных, а также применение алгоритмов программирования для получения сведений о политической ориентации пользователей позволили многим акторам оказывать существенное влияние на пользователей. Идеи о продвижении положительного образа, «мягкая сила» и диалог стали считаться недостаточно эффективными и постепенно замещались пропагандой и информационными кампаниями, критикующими другие страны и правительства. Внешняя политика, процесс принятия решений, публичная дипломатия, информационные проекты и пр. стали опираться на данные о расстановке сил в социальных сетях, настроениях пользователей и их политических предпочтениях. Первые лица государств оказались втянутыми в различные дебаты по вопросам внешней политики в социальных сетях, что притягивало внимание уже миллиардов пользователей. Второй этап в развитии цифровой дипломатии связывают с президентской избирательной кампанией в США 2016 г. и обвинениями России в осуществлении целенаправленной цифровой дипломатии, которая повлияла на исход выборов. Все это существенно изменило цифровую дипломатию в глобальном масштабе [Tsvetkova 2019b].

Эти новые повороты в развитии цифровой дипломатии являются предметом данного исследования. Однако простой анализ ее эмпирической базы представляется нам недостаточным для

научного осмысления происходящих процессов в области цифровизации международных отношений. Методологические аспекты, в том числе научные методы анализа и концептуальные рамки, также находятся в фокусе нашего внимания.

Цель статьи – выявить методологические основы для исследования цифровой дипломатии. Основная часть работы включает два раздела. Первый раздел рассматривает главные тренды в развитии цифровой дипломатии, а второй – расширяет дискуссию о методологии исследования нового феномена в системе международных отношений.

Цифровая дипломатия: новые тенденции

Спектр воздействия цифровой дипломатии на зарубежное общество варьируется от влияния на выборы, смены политического режима до установления диалога, сотрудничества и распространения идей и ценностей. Сочетание стратегий «острой силы» (sharp power) и «мягкой силы» (soft power) является значимым в современной цифровой дипломатии, что подразумевает комбинирование жестких инструментов пропаганды и мягких инструментов для формирования диалога.

Критика политической жизни в зарубежной стране является распространенным способом для привлечения аудитории и расширения ее охвата и часто используется лидерами информационной деятельности – США, Россией, Францией, Германией, Ираном и Китаем. Самый показательный пример – токшоу Дж. Ассанджа (*The World Tomorrow*) на канале *Russia Today*, передача «Зоопарк» на канале *Deutsche Welle* и др., которые критикуют политические позиции лидеров стран Запада и России соответственно. Такие методы, как дискредитация отдельных лидеров или политических сил, распространение информации, которая не является мейнстримом и не освещается СМИ в целевых странах и пр., были известны задолго до эры цифровизации международных отношений. Однако скорость влияния, накал эмоций в цифровом измерении мобилизуют граждан за считанные дни и часы, что может изменить политическую реальность в целевом обществе очень быстро.

Обострение (амплификация) полярных мнений по политическим вопросам оказывает влияние на все политические силы и является значимым инструментом современной цифровой дипломатии. Так, в период президентской избирательной кампании в США 2016 г. появились цифровые проекты, которые фокусировались на вопросах, имеющих полярное понимание и оценку среди различ-

ных социальных и политических групп американского общества. Примером могут служить нашумевшие информационные кампании такого публика, как *Secured Borders* на платформе *Facebook*. Одна часть постов была посвящена необходимости защиты границ США от нелегальных иммигрантов, а другая – демонстрировала все тяготы и лишения тех, кто оказался нелегальным резидентом в США или был депортирован. Страница показывала две стороны проблемы, что привело к интенсификации ее обсуждения и уличным протестам¹.

Продвижение хэштега, который раскрывает подробности проблемы, – еще один метод, который вошел в современный арсенал дипломатии. Значительную роль хэштеги сыграли для мобилизации молодежи во время «арабской весны» и московских протестов в 2011 г. Они имеют важное значение в цифровой дипломатии разных стран. Например, твиты канала *RT*, хэштеги организации *WikiLeaks*, которые отражали проблемы политической жизни в США. В частности, хэштег *#podestaemails*, который продвигал содержание переписки команды Хилари Клинтон, распространил негативную информацию о кандидате от Демократической партии настолько широко, что администрация компании *Twitter* приняла решение о его удалении летом 2017 г.²

Взаимодействие с представителями различных политических взглядов в зарубежной стране является частью цифровой дипломатии. По заключению многих экспертов, уникальность российских каналов международного вещания состоит в том, что они притягивают к себе и сторонников правого лагеря, и радикальных демократов, и лидеров протестных движений, и либертарианцев, и пр. Эффективность месседжа в цифровой дипломатии достигается не путем ограничения целевой аудитории, например привлечением внимания только пролиберальной общественности, а наоборот, за счет максимального расширения политического спектра читателей, слушателей и зрителей. Правильное тегирование пользова-

¹Undermining Democratic Institutions and Splintering NATO: Russian Disinformation Aims. Hearings at the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, March 9, 2017. P. 22 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.house.gov/meetings/FA/FA00/20170309/105674/HHRG-115-FA00-Transcript-20170309.pdf> (дата обращения 10 янв. 2020).

²Edgett [Acting General Counsel, Twitter] Responses to Questions for the Record, Hearing Before the United States Senate Committee on The Judiciary Subcommittee on Crime and Terrorism. October 31, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.judiciary.senate.gov/imo/media/doc/Edgett%20Responses.pdf> (дата обращения 10 янв. 2020).

телей и их фильтрация стали базовыми принципами современной цифровой дипломатии. Вплоть до 2018 г. социальные платформы предоставляли неограниченные возможности по поиску лидеров общественного мнения, их социальных связей и политических предпочтений, а встроенная реклама позволяла оказывать информационное давление на огромные группы населения.

Как следствие, современная цифровая дипломатия получила возможность осуществлять быструю мобилизацию граждан в отношении определенных ценностей. Причем сегодня это происходит не по поводу каких-то расплывчатых идей о позитивном образе государства, а вокруг совершенно конкретных проблем, обозначенных особыми хэштегами. Мобилизация определенных социальных групп в современной дипломатии осуществляется посредством создания отдельных пабликов и продвижения хэштегов.

Буквально несколько лет назад использование ботов – машинный способ распространения информации – критиковалось многими специалистами. После обсуждения возможностей применения искусственного интеллекта как средства для ведения переписки с пользователями и реакции на возможные негативные комментарии под постом в социальных сетях задействование ботов уже не является чем-то аморальным. Показателен пример внедрения технологических новинок в цифровую дипломатию США в 2017–2020 гг. Существенное влияние на ее развитие оказали американские расследования цифровой дипломатии России. Правительство США стало заявлять о применении тех же методов и механизмов, которые ранее подлежали осуждению³. Были созданы дополнительные отделы по анализу больших данных, использованию ботов, блокчейна и пр. для ведения информационных кампаний в сети Интернет и решения задач, таких как информационное противостояние с Россией в странах Балканского полуострова и Европы в целом [Tsvetkova 2019a].

Методология изучения цифровой дипломатии

Цифровая дипломатия требует использования особых методов анализа. К самым распространенным и востребованным можно отнести следующие: анализ хэштега (hashtag tracking), сетевой

³The Public Diplomacy. The Presentation by the Under Secretary for Public Diplomacy Michelle Giuda, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=b-fNH8idpus&t=864s> (дата обращения 25 янв. 2020).

анализ (*network analysis*), сентимент-анализ (*sentiment analysis*), анализ мнений и взглядов (*opinion mining*). Анализ хэштега предполагает ответы на вопросы о том, как развивается дискуссия по определенной теме, какие посты вызывают наибольший интерес и кто из участников обсуждения получает наибольшую популярность среди подписчиков. Сетевой анализ направлен на установление ключевых блогеров и каналов международного вещания, которые создают информационный дискурс. Сентимент-анализ, или анализ тона текста, оценивает реакцию пользователей на предлагаемые темы или информационные кампании, что способствует выявлению идентификации пользователей и их политической позиции. Наконец, анализ мнений пользователей заключается в работе с текстами и изучении часто употребляемых слов, терминов и эпитетов, что формирует знание о содержании постов и комментариев.

Данные методы применимы при использовании двух категорий компьютерного софта. В первом случае речь идет о готовых алгоритмах или программах, которые в последнее время широко представлены разработчиками в сети Интернет (например, *Netlyrics*, *SocioViz*, *NVivo* и др.). Но исследователи должны отдавать себе отчет, что это будет редуцированный анализ, основанный на так называемых «малых данных». Программы позволяют собрать только ограниченное число постов или твитов, от 3000 до 8000. Тем не менее с помощью подобных программ можно осуществлять все виды анализа и сформировать визуализацию цифровых данных, что очень важно для понимания происходящих политических процессов.

Современные средства программирования дают возможность обработать «большие данные», т. е. собрать все посты, всех пользователей и набор всех реакций, а также осуществить полноценный контент-анализ комментариев относительно определенного вопроса. Например, при изучении информационной войны вокруг Сирии был произведен анализ больших данных по хэштегу «Сирия» на английском и арабском языках на платформе *Twitter*, а при помощи специально созданного программного алгоритма были собраны более 34 млн твитов и постов и осуществлена классификация наиболее популярных твитов за каждый месяц и самых влиятельных аккаунтов на платформе *Twitter*. Использование алгоритмов и больших данных существенно влияет на результаты исследования и понимание происходящих событий в другой стране. Анализ миллионов постов позволил определить место правительственных и частных аккаунтов среди лидеров общественного мнения в самой Сирии и на глобальном уровне. Оказалось, что определяющим образом на умы сирийских граждан в 2008–2018 гг. повлияли не западные и не российские каналы международного вещания и бло-

геры, а такой игрок, как Саудовская Аравия. Ее каналы международного вещания, а также многочисленная армия частных блогеров этой страны стали лидерами по формированию информационного и политического дискурса в Сирии.

Изучение цифровой дипломатии способствует объективному пониманию политических процессов и расстановки политических сил в другом государстве, что может оказать влияние на научные выводы о развитии международных отношений. Например, в 2018–2019 гг. в литературе было распространено мнение о значительной популярности самопровозглашенного президента Х. Гуайдо в Венесуэле и влиянии американской политики на ситуацию в стране. Однако анализ социальных сетей более чем 9 млн постов и твитов пользователей в Венесуэле показал совершенно иную картину. Во-первых, ни один из каналов международного вещания США, России, КНР и европейских стран не пользовался популярностью среди граждан Венесуэлы. Во-вторых, цифровая дипломатия действующего президента Н. Мадуро и его сторонников не уступала по своей креативности и популярности деятельности лидеров оппозиции, что сказывалось на расстановке политических сил в стране. Ни одна из сторон не была способна окончательно привлечь общественное мнение на свою сторону [Sytnik 2019, Tsvetkova, Kheifets, Sytnik, Tsvetkov 2019]).

Если говорить о теоретическом базисе обобщения эмпирических данных о цифровой дипломатии, то она может рассматриваться в рамках известных концепций «мягкой силы» или «острой силы». Сюда же можно отнести различный спектр концепций о коммуникационных технологиях, передаче и восприятии информации, что, несомненно, делает предмет исследования междисциплинарным.

Однако заслуживает внимания вопрос об использовании теорий международных отношений – реализма и конструктивизма, – которые являются наиболее релевантными для изучения цифровой дипломатии. Реализм позволяет исследователям понять цели национальной безопасности и внешней политики, которые ставятся, как правило, перед государственной цифровой дипломатией и меняют ее направление, показывают суть информационных кампаний. Несмотря на внешнюю демократичность социальных сетей, государство в настоящее время выступает основным актором, создателем новостей и повестки для интернет-аудитории. Только около 1 тыс. частных профайлов действующих президентов, премьер-министров, глав парламентов и пр., имеющихся на платформе *Twitter*, и около 700 одноименных аккаунтов на платформе *Facebook* распространяют информацию для 1 млрд своих читателей. Еще

сотни тысяч профайлов правительственных структур и связанных с ними блогеров, каналы международного вещания участников цифровой дипломатии направлены на осуществление информационных кампаний для достижения целей национальной безопасности и внешней политики.

Однако конструктивизм открывает перед исследователями совершенно новую глубину в изучении цифровой дипломатии, что, в свою очередь, может оказать влияние и на развитие самой конструктивистской теории. Анализ настроений пользователей, реакции и тона комментариев формируют базис для понимания идентичностей, ценностей и меняющихся предпочтений групп общества по конкретным политическим вопросам в отдельно взятой стране. Более того, использование методов конструктивизма позволяет сделать выводы о влиянии отдельных постов или информационных кампаний политической власти на ценностные ориентиры целевой аудитории.

Эти методы являются на сегодняшний момент одними из самых доступных для исследователей. Несомненно, в ближайшем будущем искусственный интеллект значительно повысит эффективность указанных способов анализа данных и его использования в изучении цифровизации международных отношений. Впрочем, на практике уже применяется так называемая *дипломатия данных* (data diplomacy), которая позволяет специалистам формировать стратегии цифровой дипломатии, составлять эффективные посты, месседжи и мгновенно определять источники дезинформации.

Заключение

Начиная с 2018–2020 гг. цифровая дипломатия вступила в новый этап своего развития. Обработка больших данных и использование искусственного интеллекта для моментальной подготовки эффективных постов и контрмесседжей, формирования убедительных ответов на комментарии пользователей, поиска источников дезинформации и «троллей», выявления ключевых и эффективных блогеров и др. являются трендами 2020-х гг.

Цифровая дипломатия как предмет для научного исследования может быть рассмотрена через теории реализма и конструктивизма. Теория реализма объясняет логику проведения цифровой дипломатии государством с точки зрения его национальных приоритетов, а конструктивизм трактует поведение и ценности целевой аудитории и акторов данного вида дипломатии.

Вопрос о доступе к большим данным является ключевым для исследования этого феномена, поскольку они обеспечивают полноту

картины политической расстановки сил в социальных сетях. А такие методы, как анализ хэштега, сетевой анализ, сентимент-анализ, анализ мнений и взглядов (opinion mining), выступают главными инструментами изучения цифровой дипломатии.

Литература

- Manor 2019 – *Manor I.* Digitalization of Public Diplomacy. L.: Palgrave Macmillan, 2019. 356 p.
- Nye 2018 – *Nye J.* How Sharp Power Threatens Soft Power [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2018. Jan. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (дата обращения 10 янв. 2019).
- Sytnik 2019 – *Sytnik A.* Digitalization of Diplomacy in Global Politics on the Example of 2019 Venezuelan Presidential Crisis // Communications in Computer and Information Science. 2019. Vol. 1038. P. 187–196.
- Tsvetkova 2017 – *Tsvetkova N.* Soft Power and Public Diplomacy // Russia and the World: Understanding International Relations / Ed. by N. Tsvetkova. Lanham, New York, London: Roman & Littlefield, 2017. P. 231–251.
- Tsvetkova 2019a – *Tsvetkova N.* Dealing with a Resurgent Russia: Engagement and Deterrence in US International Broadcasting, 2013–2019 // Vestnik of St. Petersburg University. “International Relations” Series. 2019. Vol. 4. [В печати]
- Tsvetkova 2019b – *Tsvetkova N.* Russian Digital Diplomacy: A Rising Cyber Soft Power? // Russia’s Public Diplomacy: Evolution and Practice / Ed. by A. Velikaya and G. Simons. London, New York: Palgrave Macmillan, 2019. P. 103–117.
- Tsvetkova, Kheifets, Sytnik, Tsvetkov 2019 – *Tsvetkova N., Kheifets V., Sytnik A., Tsvetkov I.* Venezuela in U.S. Public Diplomacy, 1950s–2000s: The Cold War, Democratization, and the Digitalization of Politics // Cogent Social Sciences. 2019. Vol. 5. No. 1.

References

- Manor, I. (2019), *Digitalization of Public Diplomacy*, Palgrave Macmillan, London, UK.
- Nye, J., Jr. (2018), “How Sharp Power Threatens Soft Power”, *Foreign Affairs*, Jan., [Online], available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (accessed 10 Jan. 2019).
- Sytnik, A. (2019), “Digitalization of Diplomacy in Global Politics on the example of 2019 Venezuelan Presidential Crisis”, *Communications in Computer and Information Science*, vol. 1038, pp. 187-196.
- Tsvetkova, N. (2017), “Soft Power and Public Diplomacy,” in Tsvetkova, N. (ed.), *Russia and the World: Understanding International Relations*. Roman & Littlefield, Lanham, New York, London, pp. 231-251.

- Tsvetkova, N. (2019a), "Dealing with a Resurgent Russia: Engagement and Deterrence in US International Broadcasting, 2013–2019," *Vestnik of St. Petersburg University, "International Relations" Series*, vol. 4 (forthcoming).
- Tsvetkova, N. (2019b), "Russian Digital Diplomacy: A Rising Cyber Soft Power?", in Velikaya A. and Simons G. (eds.), *Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice*. Palgrave Macmillan, London, New York, pp. 103-117.
- Tsvetkova, N., Kheifets, V., Sytnik, A. and Tsvetkov, I. (2019), "Venezuela in U.S. Public diplomacy, 1950s–2000s: The Cold War, Democratization, and the Digitalization of Politics", *Cogent Social Sciences*, vol. 5, no. 1.

Информация об авторе

Наталья А. Цветкова, доктор исторических наук, доктор философии в области социальных наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; n.tsvetkova@spbu.ru

Information about author

Natal'ya A. Tsvetkova, Dr. of Sci. (History), Ph.D. in Social and Behavioral Studies, professor, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 1/3, Smol'nyi Street, Saint Petersburg, Russia, 191060; n.tsvetkova@spbu.ru

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 327.2

DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-48-61

Российско-американская конфронтация в оценках теоретиков международных отношений

Олег А. Хлопов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, rggu2007@rambler.ru*

Аннотация. В данной статье кратко обобщены теоретические и методологические основы исследований, посвященных причинам противостояния СССР и США, предпринята попытка ответа на вопросы, почему не удалось наладить сотрудничество и развить российско-американский диалог в позитивном направлении после окончания холодной войны, почему возник современный кризис в двусторонних отношениях и каковы возможности их улучшения.

Критическое осмысление ведущих направлений в теории международных отношений (реализм, идеализм, марксизм и конструктивизм) дает основание автору утверждать, что концепция социального конструктивизма наилучшим образом объясняет причины нынешнего состояния российско-американских отношений. Именно идеи, верования и убеждения субъектов формируют государственные интересы, которые, в свою очередь, трансформируют нормы, правила и институты международной системы. Конструктивизм обращается к возможностям изменения характера социального взаимодействия между государствами и к фундаментальному сдвигу в понимании различных проблем при помощи формирования совместных представлений, ожиданий с точки зрения идей и социальных дискурсов.

Ключевые слова: теория международных отношений, конфронтация, конструктивизм, политический реализм, геополитика, США, Россия

Для цитирования: Хлопов О.А. Российско-американская конфронтация в оценках теоретиков международных отношений // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. С. 48–61. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-48-61

© Хлопов О.А., 2020

Russian-American confrontation in the assessments of international relations theorists

Oleg A. Khlopov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
rggu2007@rambler.ru*

Abstract. This article summarizes the theoretical and methodological research conducted on the causes of the confrontation between the USSR and the USA; an attempt is made to answer the questions: Why was it impossible to create cooperative relations and develop the Russian-American dialogue in a positive direction after the end of the Cold War? Why did the current crisis occur in the bilateral relations? What are the opportunities for improving them? A critical understanding of the leading theoretical schools and approaches in the theory of international relations (realism, idealism, Marxism and constructivism) provides the author with the ground to argue that the concept of social constructivism in the best possible way explains the reasons for the current state of the Russian-American relations. It is the ideas, beliefs and norms of the actors that form state interests, which, are able to transform the norms, rules and institutions of the international system. Constructivism refers to the possibilities of changing the nature of the social interaction between the states and gives a fundamental shift in understanding various problems through the formation of common values, expectations in terms of ideas and social discourses.

Keywords: theory of international relations, confrontation, constructivism, political realism, geopolitics, USA, Russia

For citation: Khlopov, O.A. (2020), "Russian-American confrontation in the assessments of international relations theorists", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 48–61, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-48-61

Введение

После окончания холодной войны и распада Советского Союза в 1991 г. российско-американские отношения были открыты для изменений. Россия ожидала установления гораздо более справедливого мирового порядка, чем тот, который существовал в годы конфронтации. Переговоры, проходившие в тот период, касались в первую очередь контроля над вооружениями и основывались на «взаимной уязвимости» обеих сторон как равноправных партнеров. При этом победитель в холодной войне не объявлялся [Deudeny, Ikenberry 2009, pp. 39–62]. Россия предполагала, что это равенство

приведет к тому, что Соединенные Штаты станут партнерами по сотрудничеству в будущем. В начале 1990-х гг. США стремились к более тесным отношениям с Россией, а также к «интеграции Центральной и Восточной Европы в западные институты» [Goldgeier 2009, pp. 15–36].

Однако, как уже не раз случалось в истории российско-американских отношений, эти возможности не были реализованы, оттепель сменилась заморозками. Можно выделить следующие несколько причин, объясняющих неустойчивый характер двухсторонних отношений с начала XX в.:

- (1) *идеологический фактор* (социализм/коммунизм против капитализма), который играл ключевую роль в биполярной системе международных отношений с 1917 по 1989/1990 гг.;
- (2) *цикличность внешнеполитического курса США*. Как отмечает американский историк Артур Шлезингер, каждые 15–20 лет новое поколение американской элиты пересматривает политику своих предшественников, в результате чего экспансионизм сменяется изоляционизмом, и наоборот [Шлезингер 1992];
- (3) *изменения во внутривнутриполитическом курсе России*. Демократизация российского общества дает импульс к сближению России с США. Отказ от либерально-демократического вектора развития, напротив, ведет к обострению двусторонних отношений;
- (4) *цикличность характера функционирования военной техники, оружия и системы ядерного сдерживания*, которая возникла в годы холодной войны и представляет собой политику превентивных угроз с возможным применением ядерного оружия. При этом ядерное оружие нуждается в модернизации каждые 15–20 лет [Фененко 2013]. Развитие новых технологий в первую очередь происходит в военно-промышленном комплексе. Появляются более совершенные виды оружия и средства доставки боевых зарядов. Каждое государство старается модернизировать свои вооруженные силы, что приводит к дисбалансам и диспропорциям, так как темпы научно-технического развития могут быть в разных странах разными в определенных видах наступательных или оборонительных средств, включая модернизацию ядерного оружия. С этой точки зрения «гонка вооружений» неизбежна;
- (5) *асимметричность двухсторонних отношений в постбиполярный период*, когда каждая сторона руководствуется собственными мотивами и логикой достижения своих целей.

После распада Советского Союза для США отношения с Россией перестали быть приоритетными. На первый план выходит стремление к лидерству, борьба с терроризмом, торгово-финансовые противоречия с Китаем, а сотрудничество с Россией важно только в связи с проблемой нераспространения ядерного оружия. В свою очередь для России отношения с США по-прежнему являются важнейшим приоритетом и рассматриваются как ключевой элемент для поддержания стратегической стабильности и возвращения России статуса великой державы;

- (6) *традиции, концепции и научные школы*, которые сложились в отечественных и американских исследованиях и экспертном сообществе в объяснении роли и места России и США в мире и тенденций развития мировой политики. Например, соперничество между СССР/Россией и США, согласно одной из геополитических концепций XX в., вызвано противостоянием морской (американской) и континентальной (российской) держав. Морская держава стремится закрепиться на территории Евразии, вытеснив оттуда Россию, а континентальная держава старается распространить свое влияние над Евразией. По мнению автора, существующие теоретические школы и направления в исследовании международных отношений во многом влияют на восприятие происходящих международных процессов, анализ и принятие стратегических решений в области внешней политики в обеих странах.

Цель статьи – проанализировать развитие двухсторонних отношений с точки зрения ведущих теоретических концепций и направлений. Для ее достижения были рассмотрены разнообразные источники и научная литература, посвященная осмыслению отношений между ведущими странами. Четыре основные теории международных отношений – *реализм, либерализм, марксизм и конструктивизм* – внесли значительный вклад в понимание характера холодной войны, особенностей формирования биполярной системы, роли ядерного оружия и новых акторов мировой политики и пытались предсказать ход будущего развития международных отношений в условиях усиливающейся интеграции и глобализации.

В то же время и сама холодная война, и исторические события в рамках биполярной системы повлияли на содержание международно-политических исследований и создание новых теоретических концепций и направлений изучения, а также определили концептуальные вопросы и проблемы международных отношений.

*Реализм, либерализм, марксизм и конструктивизм
в объяснении характера российско-американских
отношений*

Основной анализ внешней политики США в англо-саксонской школе исследований исходил из двух классических теоретических основ международных отношений: *геополитики и теории политического реализма*.

Важность географического фактора во внешней политике государства отмечена в работах ведущих американских и английских исследователей: Х. Маккиндера, Н. Спайкмена, А. Мехамы, Зб. Бжезинского, К. Капалана, Дж. Меиршаймера, которые внесли существенный вклад в формирование геополитических основ внешней политики США.

Среди них следует выделить Николаса Спайкмена. В своей книге «Стратегии Америки в мировой политике», опубликованной в 1942 г., он проанализировал военные действия в более широком контексте глобального баланса сил. Н. Спайкмен смотрел за горизонт стратегических задач США после окончания Второй мировой войны и невзирая на то, что СССР был союзником США по военным вопросам, утверждал, что геополитически неуравновешенный Советский Союз может нарушить послевоенный баланс сил и тем самым поставить под угрозу безопасность США [Sprykan 2007].

Огромную роль в обосновании внешней политики США играет школа политического реализма/неореализма. Межгосударственные отношения, согласно принципам *политического реализма*, рассматриваются как борьба за власть между государствами, которые стремятся к достижению собственной безопасности. Эту точку зрения разделяли такие ученые, как Г. Моргентау и Э. Карр [Carr 1964].

Реалистическая теория международных отношений основывается на предположении, что государства в анархической международной системе действуют рационально, исходя из своих национальных интересов, для достижения главной цели – абсолютной силы, мощи и влияния (power) и безопасности, поэтому расчеты государств всегда мотивируются безопасностью и властью, а мир достигается за счет баланса сил и военно-политических альянсов. Эта теория была разработана во время холодной войны, и ее акцент на конкуренции между государствами за свое геостратегическое превосходство соответствовал центральным чертам американо-советского соперничества [Walt 1998, pp. 26–46]. То есть, согласно теории реализма, биполярный мир в период холодной войны существовал из-за борьбы за власть между Советским Союзом

и Соединенными Штатами, которая была связана с отсутствием международного правительства для регулирования власти.

Неореализм внес в анализ международных отношений три новых основных элемента: (1) принцип упорядочения международной системы, которая имеет свою иерархию и подсистемы; (2) характер единиц внутри системы – это, несомненно, государства и межгосударственные военно-политические союзы или коалиции; (3) возможности и механизмы распределения силы и власти внутри международной системы [Waltz 1979].

Американские аналитики – сторонники школы политического реализма выступают за сохранение США статуса глобального лидера в постбиполярную эпоху, подчеркивая важность новой роли Соединенных Штатов в XXI в. Предлагаются новые концепции и стратегии, одна из которых, «большая стратегия оффшорного балансирования» (*grand strategy of offshore balancing*), по их мнению, должна стать основой внешней политики США. Понятие «оффшорное балансирование» было предложено американским экспертом Кристофером Лайном в 1997 г. Согласно этой стратегии великая держава использует своих региональных союзников с целью сдерживания потенциально враждебных государств, что позволяет ей сохранять свою власть без затрат на крупные военные развертывания по всему миру и поддерживать приблизительный баланс сил в трех ключевых геополитических регионах мира: Европе, Персидском заливе и Северо-Восточной Азии.

Сам К. Лайн так писал о своей новой концепции:

Что касается амбиций, интересов и союзов, то Соединенные Штаты с 1945 по 1991 г. следуют одной и той же большой стратегии: стратегии превосходства. Представляется проблематичным, что эта стратегия будет служить интересам США в начале XXI в. Следовательно, цель моей статьи – стимулировать дискуссию о возможных вариантах будущей большой стратегии США. Для этого я сравниваю стратегию превосходства с предлагаемой мною альтернативной стратегией «оффшорного балансирования». «Оффшорное балансирование» позволяет великой державе сохранить свою власть и влияние без затрат на обширное военное присутствие по всему миру [Layne 1997, pp. 86–124].

В целом, заимствуя геополитические концепции и теории XX в. и опираясь на новые теоретические разработки, такие как стратегия «оффшорного балансирования» и концепция «наступательного реализма», согласно которой «великие державы никогда не соглашались со статусом-кво международной системы, до тех пор, пока

они не будут доминировать в международной системе полностью», современные американские исследователи и аналитики пытаются дать концептуальное обоснование и оправдание глобального лидерства США, которое «в наивысшей степени обеспечивает им безопасность в международной системе» [Prifti 2017, p. 45]. Таким образом, стремление великих держав к абсолютной гегемонии полностью отражает содержание политического реализма.

Либерализм предоставляет больше теоретических возможностей для интерпретации системы международных отношений, чем реализм. Либеральная теория международных отношений – это на самом деле семейство теорий, основанных на предположении, что сотрудничество между государствами более значимо, нежели соперничество и конфронтация.

Либеральные теоретики считают, что действующие акторы на международной арене, как отдельные лица, так и группы, имеют основополагающее значение для понимания международной политики. Мир может быть укреплен за счет расширения сотрудничества, принятия всеми акторами согласованных норм и правил поведения, создания международных организаций, коллективной системы безопасности, распространения демократии, экономической кооперации, расширения транснациональных связей во всех сферах.

Так, теория демократического мира утверждает, что демократические государства могут поддерживать мир, «потому что они проявляют демократическую осторожность и способны оценить международные права иностранных республик» [Doyle 1986], а «либеральная идеология и институты» в либеральных демократиях «работают в тандеме ради установления демократического мира» [Owen 1994, pp. 87–125].

Период «нового мышления» в СССР и окончания холодной войны как раз и провозглашался триумфом либерально-демократических принципов, «концом истории» и завершением геополитической конфронтации США и СССР. Либералы праздновали победу в предвкушении установления нового мирового порядка. Однако мир вернулся к новому неустойчивому и более сложному состоянию.

Доминирование марксистско-ленинской идеологии в СССР, формирование альтернативного капитализму социалистического лагеря государств, строящих другую экономическую систему, дали импульс развитию *марксистских и неомарксистских концепций* в изучении международных отношений.

В рамках советского марксизма была разработана новая научная парадигма, позволившая анализировать международные

отношения с идеологических воззрений. Марксистско-ленинская интерпретация международных отношений как борьбы социальных групп и классов, которые имеют различные экономические интересы, легла в основу советско-американской конфронтации.

Марксизм стал конкурирующей концепцией для западных общественных наук, так как он предлагал новый способ критического мышления о мире, объясняя причины глобальной эксплуатации и неравенства. Однако отказ от коммунистических воззрений не привел к установлению тесных доброжелательных отношений между Россией и США.

Антагонизм между странами «центра» (развитыми государствами, эксплуатирующими ресурсы и рабочую силу) и «периферии» (развивающимися государствами) стал определяющим принципом современной мировой политики для неомарксизма. Предложенный американским социологом И. Валлерстайном мир-системный анализ дал объяснение не геополитическому, а экономическому содержанию международных отношений [Валлерстайн 2018]. Рассматривая мир через призму «центра» и «периферии» и неравномерного экономического развития, неомарксизм утверждает, что периферию составляют слаборазвитые страны, поставляющие сырье странам «ядра», а неравноценный обмен ресурсов на финансы приводит к экономической и политической зависимости бедных стран от богатых.

Конструктивизм оказал существенное влияние на теоретическое осмысление событий в последней четверти XX в. Его сторонники акцентируют внимание на важности культурных, социальных, исторических факторов и особенностей для понимания и интерпретации различных событий и мира в целом [McDonald 2008].

Конструктивисты рассматривают структуры международной системы как продукт социальных отношений, который формируется благодаря совместному пониманию, ожиданиям и знаниям. Основное положение этой теории заключается в том, что идеи и индивидуальность субъектов формируют государственные интересы, которые, в свою очередь, трансформируют нормы, правила и институты международной системы.

Таким образом, изменения в восприятии людьми окружающего мира могут изменить международную систему в целом. Александр Вендт, ведущий представитель конструктивизма, формулирует два его главных принципа: (1) структуры человеческого сообщества определены в первую очередь с помощью общих идей, а не материальных сил; (2) идентичности и интересы действующих лиц создаются этими общими идеями, а не природой [Wendt 1999].

Конструктивизм также подчеркивает, что «история – это процесс изменений», который формирует государственную идентичность и взаимодействие между государствами. Международные отношения рассматриваются как конгломерат созданных человеком институтов и норм. Участники международных отношений могут вызвать фундаментальные изменения в системе, изменив «правила и нормы, составляющие международное взаимодействие» [Wendt 1999].

В соответствии с этим дается объяснение окончанию холодной войны. Утверждается, что «решение Горбачева положить конец доктрине Брежнева» изменило нормы, регулирующие поведение СССР и советского блока и, следовательно, всю систему международных отношений [Koslowski, Kratochwill 1994, pp. 215–247].

Конструктивистская теория предлагает одно из ключевых объяснений того, почему США пошли на расширение НАТО, что значительно подорвало российско-американское сотрудничество и доверие. В свое время восприятие Советского Союза как идеологической угрозы привело к формированию НАТО как «сообщества безопасности, основанного на общих ценностях и коллективной идентичности» [Risse-Kappen 1996, pp. 357–399]. Нежелание или неспособность изменить эти представления, пребывание в плену старых концепций не позволили трансформировать НАТО, включить Россию в западные альянсы на равных и создать вместе с ней новую систему коллективной безопасности в Европе. В результате в политическом руководстве США, а затем и России возобладало привычное мышление в традициях политического реализма с элементами классической геополитики.

Сегодняшнее материальное благополучие, военное и экономическое положение дают основание Соединенным Штатам претендовать на статус глобального лидера. Однако *привычные идеи затрудняют изменения во внешнеполитической стратегии США*. Благодаря бывшему заместителю советника Б. Обамы по национальной безопасности Бенджамину Роудсу эти устоявшиеся воззрения вашингтонского истеблишмента и экспертов в области безопасности, обеспокоенных возможным «крахом порядка безопасности США»¹, получили название “Blob”.

В английском языке BLOB (*Binary Large Object*) означает массив двоичных данных, предназначенный в программировании

¹Samuels D. The Aspiring Novelist Who Became Obama’s Foreign Policy Guru [Электронный ресурс] // New York Times Magazine. 2016. May 5. URL: <https://www.nytimes.com/2016/05/08/magazine/the-aspiring-novelist-who-became-obamas-foreign-policy-guru.html> (дата обращения 10 дек. 2019).

в первую очередь для хранения изображений, а также компилированного программного кода. В политическом лексиконе США «Blob» – это однородный массив общепринятых мнений экспертов из обеих политических партий, работающих в правительстве США, мозговых центрах и других неправительственных учреждениях. Задача и цель этих экспертов – установление лидерства США на международной арене.

Их подход подвергается критике со стороны ведущих американских интеллектуалов, таких как Стивен Уолт Джон Миршаймер, которые считают, что во время холодной войны у США была эффективная внешняя политика. Однако после ее окончания, по их мнению, Вашингтон принял радикальную доктрину «либеральной гегемонии» и без конца развязывает войны, пытаясь преобразовать мир. Этот подход, по утверждению Миршаймера, «ведет к провалу, иногда катастрофическому: он порождает трясину за трясиной, вызывает глобальный антиамериканизм и разжигает конфликты во всем мире» [Mearsheimer 2016].

По оценке С. Уолта, «Blob» преувеличивает международные угрозы и выгоды, которые может принести либеральная гегемония, а также скрывает истинные издержки. Он отмечает, что вместо того, чтобы быть дисциплинированной группой профессионалов, сдержанных хорошо информированной общественностью и вынужденных устанавливать необходимые приоритеты внешней политики и нести ответственность, сегодняшняя внешнеполитическая элита является дисфункциональной кастой привилегированных инсайдеров, которые часто презирают альтернативные перспективы и изолированы как профессионально, так и лично от последствий проводимой ими политики [Walt 2018].

Российско-американские отношения в международно-политических исследованиях в СССР и России

В отечественных международно-политических исследованиях не разрабатывалось такое многообразие научно-теоретических концепций и стратегий в сфере международных отношений, как на Западе. Безусловно, советские политики, военные и эксперты понимали важность и необходимость стратегии сдерживания для поддержания мира.

Перестройка и распад СССР дали импульс и возможность российским исследователям и экспертам для изучения западных теоретических направлений. Начались дискуссии об особенностях

России, содержанию русской идеи, путях дальнейшего развития общества и государства. Сегодня можно говорить о трех больших теоретических направлениях, которые сложились в российской школе международных отношений – *западники, государственники и сторонники цивилизационного подхода* [Цыганков, Цыганков 2006]. Эта классификация условна, но дает возможность прояснить особенности отечественного дискурса в области теории международных отношений.

Российские представители неомарксистского направления взяли на вооружение мир-системный подход в рамках традиций марксистского мышления, фокусируя внимание на анализе глобальных проблем, таких как окружающая среда, динамика роста населения и гонка вооружения. Сторонники либерализма стали изучать процессы глобализации и идеи демократического мира. Сформировались приверженцы российского реализма, в рамках которого историки, философы, социологи и экономисты разрабатывают свои собственные концепции и теории. Наконец, ряд отечественных исследователей обратились к конструктивизму, изучая культурные и исторические основы развития России.

Заключение

На наш взгляд, из всех рассмотренных ведущих теорий конструктивистская концепция наилучшим образом может дать объяснение причинам неудач в построении стабильных, неконфронтационных российско-американских отношений на основе сотрудничества и доверия. Старые концепции и геополитические схемы, которые присутствуют во многих учебниках по международным отношениям, возврат к «духовным скрепам» и консервативным традициям – все это существенно затрудняет поиск новых взглядов на формирование позитивного диалога между США и Россией.

Сегодня конструктивизм получил широкое признание в научных кругах и утвердился как самостоятельное направление в теории международных отношений. Его основное достоинство в том, что он внес в научную дискуссию понятие «исторического» и «культурного», придал значение системе ценностей, убеждений и концепций, через которые традиционно рассматривались ключевые проблемы международных отношений.

В условиях современного мира, который является одновременно глобальным и культурно плюралистическим, чтобы преодолеть старые стереотипы, подозрительность и недоверие в российско-американских отношениях, необходимо налаживать кооперацию

в экономической, политической и социокультурной сферах, в том числе через развитие совместных исследовательских проектов. Взаимодействие российских и американских ученых, представляющих разные научные культуры, поможет позитивно повлиять на наши методологические и политические предубеждения и дать импульс для новых идей и концепций.

Литература

- Валлерстайн 2018 – *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ. Введение. М.: Лепанд, 2018. 304 с.
- Фененко 2013 – *Фененко А.И.* Современная международная безопасность. Ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013. 576 с.
- Цыганков, Цыганков 2006 – *Цыганков А.П., Цыганков П.А.* Социология международных отношений: анализ российских и западных теорий: Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2006. 238 с.
- Шлезингер 1999 – *Шлезингер-мл. А.М.* Циклы американской истории. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. 688 с.
- Carr 1964 – *Carr E.* The Twenty Years Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. 450th ed. Harper Perennial, 1964. 244 p.
- Deudeny, Ikenberry 2009 – *Deudeny D., Ikenberry Jh.* The Unravelling of the Cold War Settlement // *Survival*. 2009. Dec. P. 39–62.
- Doyle 1986 – *Doyle M.W.* Liberalism and World Politics // *The American Political Science Review*. 1986. Dec. P. 1151–1169.
- Goldgeir 2009 – *Goldgeier J.* A Realistic Reset with Russia // *Policy Review*. 2009. Aug. P. 15–26.
- Kosłowski, Kratochwill 1994 – *Kosłowski R., Kratochwill Fr.* Understanding Change in International Politics: The Soviet Empire's Demise and the International System // *International Organization*. 1994. Spring. P. 215–247.
- Layne 1997 – *Layne Cr.* From Preponderance to Offshore Balancing, America's Future Grand Strategy [Электронный ресурс] // *International Security*. 1997. Summer. Vol. 22. № 1. P. 86–124. URL: https://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/43144/Layne_Christopher_From_Preponderance_1997.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения 10 нояб. 2019).
- McDonald 2008 – *McDonald M.* Constructivism // *Security Studies: An Introduction*. Ed. by P.D. William. New York: Routledge, 2008. P. 59–72.
- Mearsheimer 2016 – *Mearsheimer J.* Donald Trump Should Embrace a Realist Foreign Policy [Электронный ресурс] // *National Interest*. 2016. Nov. URL: <https://nationalinterest.org/feature/donald-trump-should-embrace-realist-foreign-policy-18502> (дата обращения 21 нояб. 2019).
- Owen 1994 – *Owen J.M.* How Liberalism Produces Democratic Peace // *International Security*. 1994. Oct. Vol. 19. No. 2. P. 87–125.

- Prifti 2017 – *Prifti Bl.* US Foreign Policy in the Middle East: The Case for Continuity. Palgrave Macmillan, 2017. 232 p.
- Risse-Kappen 1996 – *Risse-Kappen Th.* Collective Identity in a Democratic Community: The Case of NATO // The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics, ed. Peter J. Katzenstein, New York: Columbia University Press, 1996. P. 357–399.
- Spykman 2007 – *Spykman N.J.* American's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. New Brunswick: Transaction Publishing, 2007. 534 p.
- Walt 2018 – *Walt St.* The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy. Farrar, Straus and Giroux, 2018. 400 p.
- Waltz 1979 – *Waltz K.* Theory of International Politics. Reading, MA: Addison Wesley, 1979. 251 p.
- Wendt 1999 – *Wendt A.* Social Theory of International Politics. Cambridge University Press, 1999. 447 p.

References

- Carr, E. (1964), *The Twenty Years Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations*, Harper Perennial. 450th ed.
- Deudeny, D. and Ikenberry, Jh. (2009), “The Unravelling of the Cold War Settlement”, *Survival*. December, pp. 39-62.
- Doyle, M.W. (1998), “Liberalism and World Politics”, *The American Political Science Review*, Dec., pp. 1151-1169.
- Fenenko, A.I. (2013), *Sovremennaya mezhdunarodnaya bezopasnost'. Yadernyi faktor* [The Contemporary International Security. The Nuclear Factor], Aspekt Press, Moscow, Russia.
- Goldgeier, J. (2009), “A Realistic Reset with Russia”, *Policy Review*, Aug., pp. 15-26.
- Koslowski, R. and Kratochwill, Fr. (1994), “Understanding Change in International Politics: The Soviet Empire's Demise and the International Sytem”, *International Organization*, Spring, pp. 215-247.
- Layne, Cr. (1997), “From Preponderance to Offshore Balancing, America's Future Grand Strategy”, *International Security*, vol. 22, no. 1, Summer, pp. 86-124, [Online], available at: https://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/43144/Layne_Christopher_From_Preponderance_1997.pdf?sequence=1&isAllowed=y (Accessed 10 Nov 2019).
- McDonald, M. (2008), “Constructivism”, in William, P.D. (ed.), *Security Studies: An Introduction*, Routledge, New York, pp. 59-72.
- Mearsheimer, J. (2016), “Donald Trump Should Embrace a Realist Foreign Policy”, *National Interest*, Nov. 27, [Online], available at: <https://nationalinterest.org/feature/donald-trump-should-embrace-realist-foreign-policy-18502> (Accessed 21 Nov 2019).

- Owen, J.M. (1994), "How Liberalism Produces Democratic Peace", *International Security*, Oct., pp. 87-125.
- Prifti, B. (2017), *US Foreign Policy in the Middle East: The Case for Continuity*, Palgrave Macmillan.
- Risse-Kappen, Th. (1996), "Collective Identity in a Democratic Community: The Case of NATO", in Katzenstein, P.J. (ed.), *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*, Columbia University Press, pp. 357-399.
- Schlesinger Jr., A.M. (1992), *Tsykly amerikanskoj istorii* [The Cycles of American History], Progress Academy, Progress, Moscow, Russia.
- Spykman, N.J. (2007), *America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power*, Transaction Publishing, New Brunswick, Canada.
- Tsygankov, A.P., and Tsygankov, P.A. (2006), *Sotsiologiya mezhdunarodnykh otnoshenii: analiz rossiiskikh i zapadnykh teorii* [Sociology of International Relations: An Analysis of Russian and Western Theories], Aspect Press, Moscow, Russia.
- Wallerstein, I. (2018), *Mirosistemnyi analiz* [Word system analysis], Lenand, Moscow, Russia.
- Walt, St. (2018), *The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy*, Farrar, Straus and Giroux.
- Walt, St. (1998), "International Relations: One World, Many Theories", *Foreign Policy*, vol. 110, Spring, pp. 29-46.
- Waltz, K. (1979), *Theory of International Politics*, Addison Wesley, Reading, MA.
- Wendt, A. (1999), *Social Theory of International Politics*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Информация об авторе

Олег А. Хлопов, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; rgg2007@rambler.ru

Information about the author

Oleg A. Khlopov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; rgg2007@rambler.ru

Новая Евразия
как глобальное конкурентное пространство:
перспективы и возможности
сохранения интегрированности

Дмитрий Г. Евстафьев

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия, estd1212@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена тенденциям развития постсоветской Евразии. В условиях регионализации глобальной экономики Евразия не рассматривается в качестве перспективного центра экономического роста, однако с точки зрения ресурсов и логистической важности остается глобально значимой. Автор считает, что активность внешних сил на постсоветском пространстве будет расти в связи с повышающимся потенциалом манипулятивного воздействия, что увязывается с деградацией не только советских, но и постсоветских моделей развития. Евразия превращается в зону конкуренции с участием внешних игроков, для которых как политическое, так и экономическое доминирование России не только по периферии пространства, но и в его «ядре» не выглядит бесспорным. Внешние силы будут действовать в Евразии, исходя из многовекторности процессов: ее экономическая и институциональная консолидация не является для них естественным приоритетом. Автор считает допустимыми сценарии хаотизации пространства, а также построения элементов экономической и политической экстерриториальности. Трансформация ряда регионов, соприкасающихся с Евразией и оказывающих на нее политическое и экономическое влияние, усиливает контринтеграционный потенциал. Это создает целый ряд важнейших вызовов для России, требуя пересмотра традиционных подходов к политическим и экономическим процессам. На основании проведенного анализа автор делает вывод о том, что главный из этих вызовов – превращение Евразии, в особенности ее южной и юго-восточной оконечностей, в пространство конкуренции между различными внерегиональными силами за влияние, доступ к ресурсам, а также контроль ее потенциала. Это неизбежно ставит вопрос о пересмотре стратегии России в отношении евразийских процессов и учете сохраняющихся интеграционных возможностей.

Ключевые слова: Новая Евразия, регионализация экономики, пространственное развитие, хаотизация пространства, процессы евразий-

ской интеграции, ресурсное противоборство, евразийские логистические коридоры

Для цитирования: Евстафьев Д.Г. Новая Евразия как глобальное конкурентное пространство: перспективы и возможности сохранения интегрированности // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. С. 62–76. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-62-76

New Eurasia
as a global environment for competition:
the perspectives and the potential
for preserving the integration

Dmitrii G. Evstaf'ev

*National Research University – Higher School of Economics,
Moscow, Russia, estd1212@yandex.ru*

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the tendencies of the development of post-Soviet Eurasia. Contemporary Eurasia is not regarded as the perspective center for economic growth within the model of regionalization of the global economy, but, from the point of view of resources and logistics potential, that environment remains important at the global scale. The author considers that the activities of the non-regional actors in the post-Soviet space will be on the rise, and he regards this fact as an indication of the growing potential for the manipulations which are facilitated by the degradation of not only “soviet” but also “post-soviet” models of development. Eurasia is transforming into the environment of competition with the participation of the outside players. They do not regard Russia’s dominating role both in the peripheral part of Eurasia and in its heartland as something taken for granted – neither from the political, nor from the economic point of view. The outside players will base their policy in post-Soviet Eurasia upon the multi-vector nature of the processes with the understanding that economic and institutional consolidation of the environment is not at all a priority for them. The author makes a point that the scenarios of chaotization and the creation of extraterritorial enclaves might become quite a possible option. The internal transformation of some of the regions in proximity with Eurasia that interact with it politically and in the economic sphere increases the anti-integration potential. It creates a number of important challenges for Russia and demands reconsideration of the traditional approach to the political and economic processes. Basing on the conducted analysis, the author comes to the conclusion that the greatest of these challenges is the transformation of Eurasia and especially its Southern

and South-East periphery into the environment for the competition between different extra-regional actors for influence, access to resources as well as for the control over the territorial potential. That would inevitably make Russia confront with the challenge to revise its strategy connected with the processes in Eurasia.

Keywords: New Eurasia, regionalization of global economy, special development, chaotization of the environment, Eurasian integration processes, competition for resources, Eurasian logistical corridors

For citation: Evstaf'ev, D.G. (2020), "New Eurasia as a global environment for competition: the perspectives and the potential for preserving the integration", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 62–76, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-62-76

Введение

Трансформации, происходящие на постсоветском пространстве в последние годы, важны по многим причинам. Они показывают внутреннюю динамику развития искусственно усложненных в ходе форсированной модернизации социальных экономических систем в условиях отсутствия востребованности достигнутого уровня индустриальности и его проявлений в социальной сфере. Кроме того, они отражают и глобальные процессы, происходящие здесь с опозданием и проявляющиеся первоначально на политическом, а только затем – на экономическом уровне. *Анализ развития постсоветской Евразии является важным методологическим инструментом оценки глобальных тенденций в специфическом и несколько «отложенном» преломлении.*

Определяющим моментом в исследовании, осуществляемом автором с 2015 г., является рассмотрение постсоветской Евразии не как целостного региона, сохраняющего доминирующие внутренние экономические и социальные связи, а как относительно быстро фрагментирующейся территории, где пока сохраняются, да и то частично, формальные – институциональные – атрибуты интегрированности, прежде всего созданные в начале 1990-х гг. инструменты «цивилизованного развода» постсоветских государств. В остальном центробежные тенденции уже привели к формированию экономической многовекторности, в настоящее время перерастающей в многовекторность политическую. Центристские тенденции пока не смогли преодолеть доминирующую тенденцию, но все же оказывают определенное влияние.

Исследование отражает трансформации, произошедшие в постсоветской Евразии с момента относительной стабилизации политических процессов в новых независимых государствах в середине 2000-х гг. и начала разновекторного развития. Модель, предложенная Зб. Бжезинским в его работе «Великая шахматная доска», содержит актуальные и по сей день приоритетные с точки зрения интересов Запада направления трансформации постсоветского пространства, в частности рост значимости Прикаспийского геоэкономического пространства и «каспийский» вектор как ключевое направление постсоветской фрагментации. В своем подходе автор опирается на труды российских исследователей проблем мировой политики и экономики, в частности С.А. Караганова, П.А. Цыганкова, Г. Дерлугьяна, А.А. Богатурова, посвященные ключевым закономерностям развития крупных глобальных и региональных систем. Принципиальными для понимания региональной трансформации являются работы В. Россмана, посвященные процессам урбанизации и формированию «фокусных» центров социальной и экономической консолидации.

Нельзя не упомянуть и зарубежных авторов, создавших базу для понимания специфики западного подхода к экономическим, социальным и политическим процессам в Евразии, в частности Г. Киссинджера, Ф. Фукуяму, П. Гобла и других. В особенности стоит отметить исследования С. Хантингтона, посвященные вопросам взаимодействия цивилизаций, а также недавние труды Р. Хааса, отражающие диалектику институционализации и хаотизации в постглобальном мире¹.

Автор исходит из того, что на нынешнем этапе Евразию было бы корректно рассматривать в рамках методологии «мир-системы» Э. Валлерстайна, но с асимметричными валентными системными связями: относительно слабеющими внутри системы и поступательно усиливающимися вне ее, хотя внешние связи являются разнонаправленными. В этой «двойной асимметрии», вероятно,

¹В работах Р. Хааса последнего времени содержится важнейший для понимания сути современной американской политики тезис о необходимости отказа от ее целостности и допущении существенно большей степени фрагментированности глобального операционного пространства. Ресурсы США предлагается сконцентрировать на отдельных «выделенных» из общего контекста направлениях [Хаас 2019, с. 27, 148–190]. Политика Д. Трампа, в том числе в отношении Евразии, базируется как раз на отсутствии целостного подхода к региону и допущении высокой степени манипуляции ситуацией без выраженной цели последующего политического конструирования.

и заключается источник высокого потенциала хаотизации региональных систем в принципе, но Евразии – в особенности.

Центральной задачей исследования, отраженной в статье, стало рассмотрение ключевых процессов в современной Евразии сквозь призму экономической регионализации, сменяющей глобализацию в качестве флагманского направления развития глобальной экономики и, как результат, мировой политики. Главным вопросом является то, в какой форме и формате постсоветская Евразия будет вписываться во входящие в стадию оформления процессы регионализации мировой экономики и мировой политики. Помимо этого в работе анализируются следующие аспекты проблемы:

- важнейшие тенденции с точки зрения влияния на степень интегрированности регионального пространства;
- перспективная структура геополитического и геоэкономического пространства Евразии;
- точки возможной синергии на постсоветском пространстве;
- перспективы институционального развития Евразии² и возможностей институционального взаимодействия в рамках регионализации.

Фрагментация пространства Евразии как главная тенденция развития

Главной тенденцией развития постсоветского пространства становится постепенное сокращение ареала политических и экономических интеграционных процессов. Это происходит несмотря на формальное увеличение внутривразийского товарооборота. Внутренние технологические связи ослабевают по мере устаревания и деактуализации технологических цепочек (за исключением сырьевых), а формирования евразийских корпоративных структур, способных дать новый импульс развитию, пока не произошло.

Корпоратизация экономических отношений в Евразии, мыслившаяся как возможная модель развития еще не так давно [Евстафьев, Привалов 2015, с. 112–121], сейчас является, вероятно, утраченной опцией. Новые геоэкономические процессы в Евразии

²Несмотря на доминирующее критическое отношение, ряд авторов признают Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в качестве состоявшейся структуры и допускают при наличии определенных условий возможность возникновения на его основе некоего фокуса экономической и политической субъектности [Mostafa, Mahmood 2018, pp. 169–170], хотя геополитическая субъектность евразийских институтов и не признается.

будут развиваться в контексте промышленной деградации и отражать возникающие в их результате политические и социальные парадигмы. Деиндустриализация и анклавизация евразийской индустриальности становятся факторами, резко снижающими потребность в экономической, а тем более политической интегративности, сохраняющей статус «ритуала», своего рода традиции, но теряющей свою эффективность как инструмент.

Наиболее вероятным сценарием становится качественная геоэкономическая диверсификация постсоветской Евразии на основе не только экономической, но и структурной разновекторности развития. Как результат разновекторности в экономическом пространстве Евразии постепенно выделяются следующие компоненты:

- *индустриализированное пространство вокруг Союзного государства России и Белоруссии*. Несмотря на все издержки, оно является относительно консолидированным и при сохранении Союзного государства, пусть и в вялой форме, останется таковым, а при даже небольшом усилении промышленно-инвестиционной составляющей значимость его существенно усилится. Очевидной целью развития становится сохранение промышленной составляющей Союза, а не усиление торгово-тарифной, поскольку это ускоряет превращение Беларуси в транзитную в экономическом (а по сути, политическом) плане территорию;
- *торгово-расчетное пространство ЕАЭС* (охватывающее не территории, а экономические системы, выстроенные вокруг крупных урбанизированных центров), внутри которого постепенно утрачиваются драйверы экономического роста, но сохраняется взаимная заинтересованность в свободной торговле. Выход за рамки деятельности по обеспечению пространства свободной торговли выглядит пока маловероятным. Критическим является сохранение и, при возможности, развитие на новом технологическом уровне очагов индустриальности. В иных условиях претензии на статус полноценного центра экономического роста становятся необоснованными;
- *постиндустриальные урбанизированные анклавы*. Их количество на евразийском пространстве относительно невелико, но они играют значительную системообразующую роль за счет своей политической и управленческой роли и влияния³.

³На пространстве Новой Евразии постиндустриальные глобальные города сформировались только в России, и вряд ли стоит ожидать их появления в обозримой перспективе в других странах. Но в столицах постсоветских государств все же можно было проследить процессы создания

С концептуальной точки зрения эти анклавные («инвестиционные и социальные оазисы») могут стать частью сетевизированных экономических систем, выстраиваемых на базе корпоративных или социально-политических наднациональных структур;

- *структурированное логистическими коридорами архаизированное пространство*, своего рода «региональная деревня». Ее главной чертой является индустриальная деградация (за исключением сервисных предприятий, обслуживающих логистические коридоры [Мехдиев 2018]) и социальная архаизация. При сохранении сегодняшних тенденций развития эти процессы будут напоминать ближневосточный вариант урбанизации в условиях неуспеха «второй модернизации», а частично – и прямой деиндустриализации и социальной архаизации конца 1990-х – начала 2000-х гг., нашедший, в конце концов, свое проявление в период так называемой «арабской весны». В ряде государств Центральной Азии, где происходит деградация социальных и экономических институтов советского урбанизма, пространственная структуризация имеет шанс вернуться к «караванной» модели, что будет соответствовать ранним версиям концепции «Великого шелкового пути»;
- *окраинные «фактории», то есть центры транзитной и/или приграничной торговли*, неизбежно становящиеся точками внешней экспансии и интернационализации. Географически такие точки сравнительно локализованы, и пока маловероятно, что принцип «факторий» распространится вглубь территории Евразии. Прообразом такой «фактории» может стать анонсированная Китаем зона свободной торговли в Синзяне⁴. Эти «окраинные фактории» и пространства, формирующиеся вокруг них, становятся сейчас самыми уязвимыми в Евразии.

Вследствие втягивания евразийских государств и экономических систем (что не одно и то же во многих случаях) в различные экономические (в том числе логистические и технологические)

своеобразной культуры постиндустриальных пространств. Доминировал фактор социокультурной «столичности», оторванной от экономического аспекта развития урбанизированных пространств [Росман 2013].

⁴*Дунмей Л.* Китай может запустить зону свободной торговли с ЕАЭС в Синзяне [Электронный ресурс] // Аналитический портал «Евразия. Эксперт». 2019. 22 июля. URL: <https://eurasia.expert/kitay-mozhet-zapustit-zonu-svobodnoy-torgovli-s-eaes-v-sintzyane/> (дата обращения 25 июля 2019).

цепочки в регионе возникает не только операционная экономическая многовекторность (что естественно на данном этапе развития мировой экономики), но и институциональная. Институциональная многовекторность означает, что на уровне конкретных институтов, в том числе реализуемых в организационных форматах, закрепляется геоэкономическая многовекторность развития пространства.

Вероятность превращения значительной части постсоветской Евразии в транзитную территорию, развивающуюся по пути отходительной социальной и экономической архаизации, весьма высока. В таком случае неизбежно возникнет риск превращения отдельных регионов Евразии в пространство конкуренции и даже противоборства государств и субгосударственных, а возможно, и сетевизированных структур. В условиях обостряющейся конкуренции за экономическое присутствие и политическое влияние будущее Евразии в значительной степени зависит от появления новых опорных точек консолидации и интеграции.

«Точки синергии» и интересы России в Новой Евразии

Сейчас процессы евразийской интеграции, во многом стагнирующие, и задачи пространственного развития России существуют в различных «плоскостях», в том числе с точки зрения принятия долгосрочных экономически значимых решений. Это является естественным результатом разнонаправленности российской внешней и внутренней политики и отсутствия механизмов их гармонизации. Главная задача на будущее – не допустить критического расхождения приоритетов в развитии этих двух линий. Прагматическое евразийство, вызывающее интерес и на экспертном⁵, и на политическом уровне, невозможно без трансформации внутреннего пространства России и создания новых «точек вовлеченности» помимо созданных в советский период. Эти «точки вовлеченности», сформированные как на структурной, так и на географической основе, должны быть сориентированы на перспективные процессы развития не только региональной, но и глобальной экономики. Россия, из всех постсоветских стран имеющая наибольший потенциал встраивания в глобальную экономику, должна взять на себя смыслоформирующую

⁵ *Копнер Ю.* Теория современной евразийской интеграции: II. Прагматическое евразийство: четыре подхода, чтобы лучше понять ЕАЭС [Электронный ресурс] // Евразийские исследования. 2019. 5 янв. URL: <http://eurasian-studies.org/archives/11144> (дата обращения 26 марта 2019).

роль в определении этих точек, а также гарантировать их устойчивость в отношении неэкономических рисков, масштабы которых объективно будут возрастать.

Главные направления возможной содержательной синергии пространственного развития России и процессов реструктуризации Евразии видятся следующим образом.

Инвестиционный аспект, то есть создание условий для согласованной инвестиционной деятельности на государственном и/или частно-государственном уровне по направлениям и проектам, приоритетным как для пространственного развития России, так и для поддержания экономической интегративности в Новой Евразии. Концепция единого финансового рынка, разрабатываемая Евразийской экономической комиссией⁶, явно нуждается в «достройке» инвестиционными элементами, и не только. Еще более важно стратегическое понимание неизбежности, как минимум, частичной регионализации глобальных финансов и утраты долларом своей стратегической устойчивости как глобального расчетного и инвестиционного инструмента. Инвестиционный аспект становится критическим в среднесрочной перспективе для сохранения статуса Евразии как относительно экономически синергичного пространства, способного к консолидации до уровня регионального центра экономического роста и влияния. Инвестиционная сфера является наиболее уязвимой для внешней конкуренции и требует значительных политических усилий для национализации извлекаемой ренты природных ресурсов и сохранения национально-контролируемого статуса логистического пространства.

Торговый и расчетный аспект, подразумевающий проработку принципов приграничного сотрудничества и взаимодействия с учетом новых региональных геоэкономических обстоятельств. Даже в существующем формате отношений возможно значительное качественное усиление интегративности пространства за счет совершенствования расчетных и инвестиционных (реинвестиционных) механизмов, в частности внедрения новых форматов финансовых коммуникаций, а также выхода в торговых отношениях на формулу ЕАЭС+1, что позволит сделать Союз частью глобализации, даже если интеграционные процессы начнутся с организации взаимодействия по таким спорным и неоднозначным направлениям, как

⁶Концептуальные документы по формированию общего финансового рынка ЕАЭС одобрены на профильном Комитете ЕЭК [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 2017. 14 сен. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/14-09-2017.aspx> (дата обращения 25 марта 2019).

отношения с Ираном⁷. Развитие торгово-расчетного пространства ЕАЭС может осуществляться и без углубления интеграции, становясь своего рода «программой минимум».

Логистический аспект. Система «сквозной» логистики и единых правил игры становится главным инструментом борьбы с утратой странами Евразии геоэкономической субъектности и политизацией процесса формирования глобальных логистических коридоров [Ларин 2017, с. 158–161]. Логистическая синергия, безусловно, не гарантирует прекращение использования подобных проектов для «размягчения» государственности стран Евразии и геоэкономической перекройки региона, но это даст некие гарантии от целенаправленного формирования логистической чересполосицы и впоследствии станет основой для создания единой системы взимания логистической ренты и управления разнонаправленными логистическими потоками. Логистическая синергия позволит сократить потенциал манипулятивности со стороны внешних участников логистических и экономических процессов, хотя и возникает сложная и пока не получившая однозначной оценки фокусная диалектика национального, наднационального и экстерриториального.

Институциональный аспект. Институты евразийской интеграции должны занять значимое место в процессах реформирования глобального экономического и политического пространства. Пока это направление является точкой относительно низкой конкурентоспособности ЕАЭС. Реализация программы пространственного развития в России, даже если она будет осуществляться в рамках управленческого «контура», может усугубить уже сформировавшиеся асимметрии эффективности и привести к фатальному рассогласованию векторов развития России и ее партнеров. Главным направлением становится единогоформатное внедрение в деятельность наднациональных, межнациональных и связанных с ними национальных институтов цифровых форматов управления и коммуникаций. Это не значит, что следует стремиться к выравниваю скоростей цифровизации. Нужно стремиться к созданию совместимых управленческих моделей и форматов, ибо именно коммуникационная (а на практике – цифровая управленческая) связность пространства будет одним из основных направлений

⁷Шокри О. Иран заинтересован в присоединении к Евразийскому союзу – иранский эксперт [Электронный ресурс] // «Евразия. Эксперт». Аналитический портал. 2019. 14 фев. URL: <https://eurasia.expert/iran-zainteresovan-v-prisoedinenii-k-evraziyskomu-soyuzu/> (дата обращения 20 марта 2019).

развития конкуренции в ближайшие годы и в мире, и в Евразии. Но именно «вызов институциональности» останется одним из важнейших ограничителей развития интеграционных процессов в Евразии на среднесрочную перспективу.

Энергетический аспект. Сохранение и развитие единой энергетической системы в Евразии или, как минимум, внедрение единых технологических и управленческих стандартов и форматов в энергетике – все это становится одним из важнейших направлений обеспечения будущей трансрегиональной конкурентоспособности Евразии в контексте реализации по ее периферии значимых системных энергетических проектов, отчасти нацеленных на новую интеграцию энергосистем. На нынешнем уровне совместных технологических инвестиций в ТЭК возможности реализации содержательной синергии в энергетике выглядят минимальными. Скорее необходимо ожидать нарастания разновекторности и разнонаправленности развития энергетических проектов в регионе. Наиболее показательным примером такого рода стоит считать политику в сфере экспорта газа Туркмении, но потенциально такая ситуация может сложиться и в Прикаспии, что будет гораздо более чувствительно для России⁸. Задачу-оптимум в этой связи целесообразно определить как сохранение преимущественно национального характера процессов принятия решений по развитию энергетической составляющей. На этой основе можно будет, как минимум, обсуждать некие совместные проекты и общий вектор развития отрасли, что уже станет крупным достижением.

Социокультурный аспект. Одним из важнейших направлений развития становится сохранение схожих моделей социального поведения активных слоев обществ стран Евразии. Необходимо расширенное осмысление особенностей «мягкой силы» в регионе

⁸Неизбежность возникновения конкуренции и многовекторности развития ресурсной составляющей в Евразии уже ко второй половине 2000-х гг. признавалась даже в России как неизбежность. Особенность сегодняшней ситуации состоит в переходе от конкуренции на одних и тех же векторах экспорта ресурсов к формированию стратегической разновекторности – первому шагу к включению важнейших компонентов ресурсного потенциала (энергетических ресурсов и пространств для их транспортировки) в процессы развития и укрепления центров экономического роста, находящихся вне Евразии и даже не у ее границ [Торкунов 2007]; Энергетическая политика России в Центральной Азии и на Каспии: Материалы круглого стола в ПИР-Центре // Индекс безопасности. 2007. № 3 (83). Т. 13. С. 121–134.

в условиях «цифровой революции» и взрывного развития коммуникаций [Ермилина, Перская, Ткаченко 2018, с. 56], осознанное отношение к разным сценариям эволюции социокультурной зависимости и конвергенции. Учитывая масштабы межнациональных и межкультурных связей в современной Евразии, этот аспект также становится принципиальным с точки зрения пространственного развития России. Его значимость остается неизменной даже с учетом происшедших в условиях торможения глобализации и социальной атомизации принципиальных изменений в функционировании «мягкой силы» [Петрушков 2016, с. 26] и осознания российской элитой всей сложности и неоднозначности данного инструмента. Одним из возможных направлений развития синергии в данном случае могли бы стать проекты создания «безопасного Интернета» – социально защищенного, с минимальными возможностями внешних манипуляций. При всей политической спорности подобный проект мог бы стать важным компонентом нового межгосударственного консенсуса в Евразии.

Аспект безопасности. Евразия в обозримой перспективе останется уязвимой с точки зрения неэкономических рисков. И возможности внешнего управления экономическими процессами за счет военно-силовых инструментов могут существенно возрасти, учитывая вероятность возникновения на ее пространстве прямой конкуренции между иерархическими (государством) и сетевыми структурами различной направленности, как правило, заинтересованными в ослаблении государственной власти в Евразии. Учитывая высокую степень социальной, политической и экономической взаимозависимости в пространстве Евразия–Россия, это будет создавать значительные риски для развития. *Характер возникающих для Евразии вызовов, концентрирующихся в области гибридных угроз в нижнем сегменте «спектра конфликтов», опирающихся на социальную атомизацию и деградацию, объективно стимулирует выход системы обеспечения военно-политической стабильности за формат Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)*⁹. Формирование новых центров экономической, а тем более политической консолидации в непосредственном соприкосновении с экономическим ареалом Евразии будет стимулировать «альтернативную интегративность» в самой Евразии, неизбежно конкурирующую с усилиями России.

⁹ Стефанович Д. «Активная оборона»: Россия ответит на новые вызовы для безопасности Евразии [Электронный ресурс] // «Евразия. Эксперт». Аналитический портал. 2019. 15 апр. URL: <https://eurasia.expert/rossiya-sdelala-stavku-na-belarus-i-odkb/> (дата обращения 10 мая 2019).

Заключение

Выгорание остатков советских экономических и технологических цепочек и социальная архаизация большей части Евразии существенно сокращают возможности формирования на данном пространстве полноценного регионализованного центра экономического роста, не говоря уже о центре экономического влияния субглобального значения. В Евразии дестабилизирующие и деинституционализирующие свойства социально-политической гибридности могут проявиться даже в большей степени, чем это происходит в традиционно нестабильном в социально-политическом плане регионе Ближнего и Среднего Востока. *Это связано с утратой в целом ряде стран собственного потенциала социальной консолидации и деградацией институтов даже традиционного общества, ослабленных попытками социальной модернизации.* Дополнительными факторами риска является то, что Евразия особенно подвержена внешним политико-информационным манипуляциям, а национально-государственные традиции в большинстве стран региона развиты относительно слабо. Устойчивые национальные элиты сформировались только в относительно небольшом числе стран (выделим Азербайджан и Узбекистан). Таким образом, хаотизация представляется естественным процессом, обусловленным внутренними тенденциями развития, а внешние манипуляции выступают в качестве инструмента максимального продления хаотизированного состояния евразийского пространства. Тем не менее внешние манипуляции являются значимым и, что исключительно важно, долгосрочным фактором, направленным на предотвращение формирования в Евразии нового фокуса консолидации экономического, а затем и политического пространства¹⁰. С учетом остроты процессов геоэкономических трансформаций в сопредельных с Евразией регионах можно предположить существенное усиление агрессивности подобных манипуляций.

¹⁰Связывать такую политику только с приходом к власти Д. Трампа и радикализацией американского внешнеполитического поведения ошибочно. Экспертные оценки, отражавшие меняющуюся позицию американской элиты в отношении методов управления процессами в Евразии, появились еще до смены политической парадигмы в Вашингтоне [Karlan 2016] и отражали понимание того, что новая консолидация Евразии становится достижимой реальностью.

Литература

- Евстафьев, Привалов 2015 – *Евстафьев Д., Привалов К.* Евразия: новые горизонты интеграции. Экономический очерк. М.: Первая образцовая, 2015. 127 с.
- Ермилина, Перская, Ткаченко 2018 – *Ермилина О.П., Перская В.В., Ткаченко А.А.* «Мягкая сила» как результативный инструмент внешнеполитического влияния в условиях перехода к многополярности // Экономические стратегии. 2018. № 5. С. 54–63.
- Ларин 2017 – *Ларин О.Н.* Перспективы интеграции транспортных систем Евразийского экономического союза // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 4 (43). С. 152–170.
- Мехдиев 2018 – *Мехдиев Э.Т.* Евразийские транспортные коридоры и ЕАЭС // Международная аналитика. 2018. № 2 (24). С. 47–56.
- Петрушков 2016 – *Петрушков М.Г.* «Мягкая сила» (soft power) и национальная безопасность России // Современные евразийские исследования. 2016. № 3. С. 24–37.
- Росман 2013 – *Росман В.* Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения. М.: Издательство Института Гайдара, 2013. 430 с.
- Торкунов 2007 – Энергетические измерения международных отношений в Восточной Азии / Под ред. Торкунова А.В., научный редактор-составитель А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО, 2007. 1040 с.
- Хаас 2019 – *Хаас Р.* Мировой беспорядок: американская внешняя политика и кризис старого порядка. М.: АСТ, 2019. 320 с.
- Kaplan 2016 – *Kaplan R.D.* Eurasia's Coming Anarchy. The Risks of Chinese and Russian Weakness [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2016. March/April. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2016-02-15/eurasias-coming-anarchy> (дата обращения 20 марта 2019).
- Mostafa, Mahmood 2018 – *Mostafa G., Mahmood M.* Eurasian Economic Union: Evolution, Challenges and Possible Future Directions // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9. No. 2. P. 163–172.

References

- Ermilina, O.P., Perskaya, V.V. and Tkachenko, A.A. (2018), “‘Myagkaya sila’ kak rezul’tativnyi instrument vneshnepoliticheskogo vliyaniya v usloviyakh perekhoda k mnogopolyarnosti” [“Soft power” as an effective tool of foreign policy influence in the context of the transition to multipolarity], *Ekonomicheskie strategii*, no. 5, pp. 54-63.
- Evstaf'ev, D. and Privalov, K. (2015), *Yevraziya: novyye gorizonty integratsii. Ekonomicheskii ocherk* [Eurasia: new horizons of integration. Economic survey], *Pervaya obraztsovaya*, Moscow, Russia.
- Kaplan, R.D. (2016), “Eurasia’s Coming Anarchy. The Risks of Chinese and Russian Weakness”, *Foreign Affairs*, March/April, [Online], available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2016-02-15/eurasias-coming-anarchy>

- foreignaffairs.com/articles/china/2016-02-15/eurasias-coming-anarchy (Accessed 25 March 2019).
- Hass, R. (2019), *Mirovoy besporyadok: amerikanskaya vneshnyaya politika I krizis starogo poryadka* [A world in disarray: American foreign policy and the crisis of the old world], AST, Moscow, Russia.
- Larin, O.N. (2017), “Perspektivy integratsii transportnykh system Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza” [Prospects for the integration of transport systems of the Eurasian Economic Union], *Problemy natsional'noi strategii*, no. 4 (43), pp. 152-170.
- Mekhdiev, E.T. (2018), “Evroaziatskie transportnye koridory i EAES” [Eurasian transport corridors and the EAEU], *Mezhdunarodnaya analitika*, no. 2 (24), pp. 47-56.
- Mostafa, G. and Mahmood, M. (2018), “Eurasian Economic Union: Evolution, Challenges and Possible Future Directions”, *Journal of Eurasian Studies*, vol. 9, no. 2, pp. 163-172.
- Petrushkov, M.G. (2016), “Myagkaya sila (soft power) I natsional'naya bezopasnost' Rossii” [“Soft power” and the national security of Russia], *Sovremennye evraziiskie issledovaniya*, no. 3, pp. 24-37.
- Torkunov, A. (ed.) (2007), *Energeticheskiye izmereniya mezhdunarodnykh otnosheniy v Vostochnoy Azii* [Energy dimensions of the international relations in the East Asia] / Ed. by Torkunov A.V., editor-compiler A.D. Voskresenskii. MGIMO, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Дмитрий Г. Евстафьев, кандидат политических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 101000, Россия, Москва, Мясницкая ул., д. 20; estd1212@yandex.ru

Information about the author

Dmitrii G. Evstaf'ev, Cand. of Sci. (Politics), professor, National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia; bld. 20, Myasnitskaya Street, Moscow, Russia, 101000; estd1212@yandex.ru

«Марка Испания»:
разработка государственной политики Испании
по реализации «мягкой силы»

Алла Ю. Борзова

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,
bau845@mail.ru*

Нино Д. Николашвили

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,
n.i.n.o.31297@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается концепция «мягкой силы» во внешней политике Испании, разработка ее национального понимания и конкретное проявление в развитии государственного проекта «Марка Испания» в 2012–2018 гг. Его ключевой целью стало создание привлекательного образа страны на международной арене. Особое внимание авторы уделяют деятельности внешнеполитических исследовательских центров, которые были привлечены как к теоретической разработке, так и практической реализации проекта «Марка Испания» – в первую очередь, Королевского института Элькано. В рамках проекта была инициирована целая серия программ, создана государственная должность Верховного комиссара по «Марке Испания», в обязанности которого входила координация деятельности правительственных и неправительственных структур для формирования привлекательного национального бренда. В статье анализируются наиболее значимые инструменты по созданию научно-исследовательской базы проекта, на основе которой должны были предприниматься шаги по продвижению испанского бренда. Авторы опираются на рейтинги и количественные показатели для выявления успехов и неудач программы, а также определения причин, по которым в 2018 г. существующий проект был заменен на новый – на программу «Глобальная Испания». Делается вывод о том, что проект «Марка Испания», несмотря на ряд недостатков, стал важным шагом на пути к совершенствованию системы управления национальным брендом Испании.

Ключевые слова: «Марка Испания», «мягкая сила», Испания, испанский бренд, Королевский институт Элькано, Верховный комиссар по «Марке Испания», исследовательская база

Для цитирования: Борзова А.Ю., Николашвили Н.Д. «Марка Испания»: разработка государственной политики Испании по реализации «мягкой силы» // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. С. 77–93. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-77-93

“Marca España”:
development of Spanish government policy
on the implementation of “soft power”

Alla Yu. Borzova

*Peoples' Friendship University of Russia Moscow, Russia,
bau845@mail.ru*

Nino D. Nikolashvili

*Peoples' Friendship University of Russia Moscow, Russia,
n.i.n.o.31297@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the study of the concept of “soft power” in the foreign policy of the Kingdom of Spain. It analyzes the development of its national interpretation, the nature of Spanish “soft power” and the implementation of the “Marca España” state project in 2012–2018. The main objective of the project was creating an attractive image of the country in the world so as to provide the state with more influence in international relations. The particular attention is paid to the investigations of Spanish foreign policy by the research centers, which were involved in the theoretical and practical development of the project, mainly to the role of the Elcano Royal Institute. Within the framework of “Marca España”, some series of programmes were initialized in the analyzed period, and the public position of the High Commissioner for “Marca España” was created. His duties included coordinating the activities of governmental and non-governmental structures in order to assure maintenance of a positive national brand and its effective promotion in the world. As a result of the study, key successes achieved by the programme were identified, as well as the reasons for its replacement in 2018 with a new project named “España Global”. The authors conclude that despite a series of flaws, the project “Marca España” proved to be an important step towards improving the Spain’s national management system.

Keywords: “Marca España”, “soft power”, Spain, Spanish brand, Elcano Royal Institute, High Commissioner for “Marca España”, research base

For citation: Borzova, A.Yu. and Nikolashvili, N.D. (2020), “‘Marca España’: development of Spanish government policy on the implementation of ‘soft power’”, *RSUH/RGGU Bulletin “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 77–93, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-77-93

Введение

С 1990-х гг. в мировой политической мысли все большее внимание стало уделяться концепции «мягкой силы» (soft power), разработанной американским политологом Джозефом Наем. Для Королевства Испания реализация «способности добиваться желаемого посредством привлекательности, а не принуждения или подачек» [Nye 2004, p. 10] была особенно актуальна в связи с необходимостью восстановления авторитета Испании на мировой арене после многолетней изоляции Мадрида, связанной с существованием в стране франкистского режима.

Невыгодный свет, в котором долгое время представляла Испания в глазах мировой общестственности, подтверждается ее низкой оценкой в первых рейтингах стран по престижу их национальных брендов. Так, в «Индексе национальных брендов», созданном в 2005 г. британским социологом Саймоном Анхольтом, Испания не попала в первую десятку стран по привлекательности национальной «марки», несмотря на историко-культурные достопримечательности, выгодное географическое положение и лингвистические преимущества¹. Именно поэтому в новом тысячелетии правительство Испании стало уделять все большее внимание данному направлению внешней политики страны, а в испанской научной мысли стали чаще появляться исследования, посвященные «мягкой силе» и национальному бренду [Soriano 2005].

Роль аналитических центров в развитии «мягкой силы» Испании

Центральное место в системе испанских политических исследований занимают аналитические центры, или «фабрики мысли», которые принимают участие в формировании внешнеполитических приоритетов страны. На начало 2020 г. в Испании действует 66 аналитических центров. При этом в Европе их количество превышает 2000: Испания занимает 9-е место в Европе по количеству «фабрик мысли», функционирующих в стране. В рейтинге аналитических центров мира за 2019 г., подготовленном профессором Университета Пенсильвании Джеймсом Макганном, пять испанских центров

¹Anholt S. The Anholt Nation Brands Index. Special Report 2007 – Q1 Report [Электронный ресурс]. URL: <https://www.banquedesterritoires.fr/sites/default/files/ra/Consulter%20le%20barom%C3%A8tre%20NBI.pdf> (дата обращения 11 янв. 2020).

попали в число 177 наиболее влиятельных «мозговых центров» мира; из них два – Барселонский центр по международным отношениям (Barcelona Centre for International Affairs, CIDOB) и Королевский институт Элькано (Real Instituto Elcano, RIE) – входят в ТОП-50. Кроме того, Королевский институт Элькано находится на 15-м месте в мире среди «фабрик мысли», специализирующихся на исследованиях внешней политики и международных отношений².

Ведущие испанские «фабрики мысли» вносят вклад в формирование образа государства, поскольку представляют собой престижные научные центры, сотрудничающие с правительственными органами и независимыми организациями Испании. Они привлекают иностранных исследователей к участию в совместных международных исследовательских проектах по различным направлениям [Борзова 2014].

Особую роль среди испанских аналитических центров играет Королевский институт Элькано, почетным президентом которого является король Филипп VI. В его Попечительский совет входят четыре бывших премьер-министра Испании: Фелипе Гонсалес, Хосе Мария Аснар, Хосе Луис Родригес Сапатеро и Мариано Рахой. Основная работа Института заключается в публикации научных статей и докладов по различным аспектам внешней политики Испании и ее подходов к решению глобальных проблем. Институт также формирует рабочие группы для проведения предметных исследований, проводит семинары и конференции и участвует в многочисленных международных проектах, что расширяет его влияние за рубежом. В число экспертов Элькано входят высококвалифицированные ученые и исследователи, специализирующиеся на политических и социальных дисциплинах. Кроме того, часто привлекается помощь иностранных экспертов и представителей правительственных структур, что обеспечивает высокую компетентность аналитического центра и повышает его престиж как в стране, так и в Европе в целом³.

Именно в рамках Института Элькано, одной из целей которого является изучение образа Испании на мировой арене и содействие распространению объективной информации о ней, с 2000-х гг. публикуется наибольшее количество работ и отчетов

²McGann J.G. 2018 Global Go To Think Tank Index Report. TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports. 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/16 (дата обращения 11 янв. 2020).

³The official site of Real Instituto Elcano [Электронный ресурс]. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es (дата обращения 11 янв. 2020).

по проблемам «мягкой силы». Таким образом, можно рассматривать испанское толкование этой концепции именно на основе публикаций Элькано.

Испанское понимание концепции «мягкой силы»

Первой крупной научной работой, посвященной испанскому национальному бренду, стал рабочий документ «Символическая сила государств», составленный исследователем Элькано Хавьером Нойа. Согласно этому автору, «мягкая сила» представляет собой не противоположность «жесткой силы», а ее продолжение. Иными словами, экономическая и военная мощь государства становятся фундаментом, на котором далее выстраивается его международный имидж, без которого добиться престижа на мировой арене намного сложнее. В то же время такие факторы, как культурная привлекательность, демократическое развитие, информационная и языковая политика способствуют укреплению позиций страны в мире и ее способности влиять на решения других акторов международных отношений без применения военных методов и экономического давления [Noya 2005].

На развитие испанского толкования концепции Дж. Ная оказали влияние отчеты, составляемые в рамках проекта «Барометр Королевского Института Элькано» (Barómetro del Real Instituto Elcano, BRIE). Эти отчеты создаются на основе опросов испанских граждан, проводимых трижды в год (в среднем 1200 человек в одну волну, представителей различных возрастных, этнических групп и профессий) касательно «международных отношений и внешней политики Испании в полном их объеме (культура, оборона, имидж других стран, действия [Испании] в отношении Европейского союза, восприятие угроз и конфликтов и т. д.)»⁴.

Основываясь на данных, полученных в результате опросов волны мая 2003 г., Х. Нойа двумя годами позже выделил те виды силы и влияния, которыми могут обладать государства в зависимости от их уровня развития. Так, объективные и мало зависимые от действий правительств преимущества, сказывающиеся на успехе внешней политики страны и включающие в себя ее географическое положение и демографическое разнообразие, были определены испанским социологом как «предмодернистская сила». «Модер-

⁴Barómetro del RIE [Электронный ресурс] // Real Instituto Elcano. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/publicaciones/barometro-rielcano/ (дата обращения 11 янв. 2020).

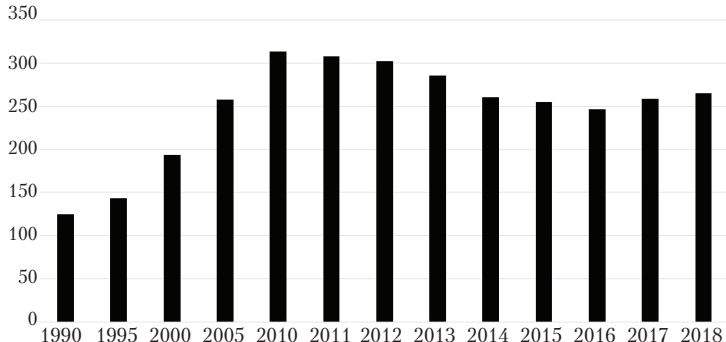
нистская сила», в свою очередь, включила в себя то, что составляет классическое понимание элементов влияния страны – ее экономическую и военную мощь вкуче со степенью технологического развития. То же, что Дж. Най определил как «мягкую силу» – степень развития и влияния культуры, языковую политику, приверженность демократическим принципам и т. д., Х. Нойа назвал «постмодернистской силой». Таким образом, исследователь заключает, что эти три типа силы взаимосвязаны и дополняют друг друга, а «постмодернистская сила» не может развиваться без опоры на «предмодернистскую» и «модернистскую» силы [Noya 2005].

Другой важный инструмент, созданный Королевским институтом Элькано для изучения имиджа страны, – Индекс глобального присутствия (Índice Elcano de Presencia Global, IEPG) – представляет собой рейтинг, составленный на основе уровня экономического, военного и «мягкосилового» присутствия в мире 120 стран, отобранных по показателю ВВП. По итогам опросов экспертов 152 аналитических центров, расположенных на пяти континентах, были выделены, а затем несколько раз модифицированы элементы, по которым можно количественно проанализировать эти три вида глобального присутствия стран. Таким образом, «мягкое» присутствие государства складывается из девяти показателей:

- сотрудничество ради развития – объем официальной помощи государствам в целях развития;
- образование – количество иностранных студентов в государственных высших учебных заведениях;
- наука – количество опубликованных статей в области искусства, гуманитарных и социальных наук;
- технологии – число патентов, ориентированных на зарубежные рынки;
- информация – объем испаноязычной части глобальной интернет-сети и число упоминаний о стране в иностранных СМИ;
- культура – объемы экспорта культурных (аудиовизуальных) продуктов за рубеж;
- спорт – очки в мировом рейтинге Международной федерации футбола (ФИФА) и число медалей, полученных в летних Олимпийских играх;
- туризм – число иностранцев, посетивших страну;
- миграция – приблизительное число иммигрантов⁵.

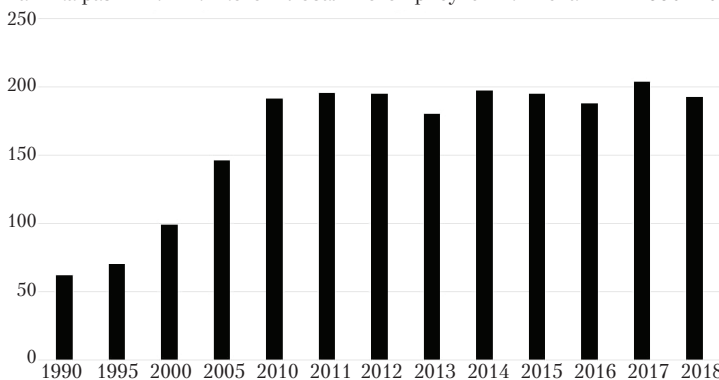
⁵Estructura del Índice Elcano de Presencia Global [Электронный ресурс] // Real Instituto Elcano. URL: <https://www.globalpresence.realinstitutoelcano.org/es/estructura> (дата обращения 12 янв. 2020).

Динамика развития глобального присутствия Испании в 1990–2018 гг.

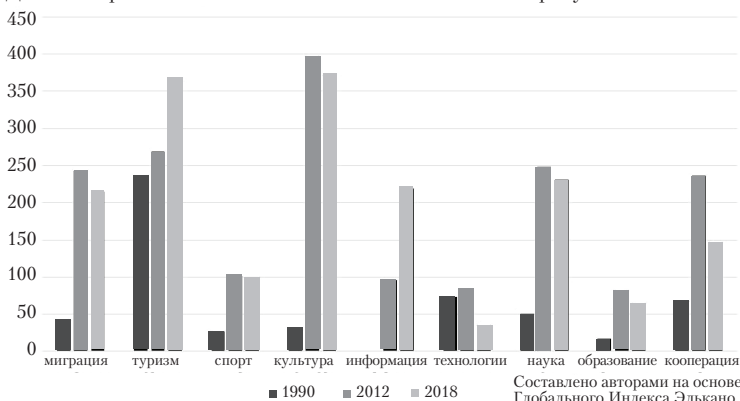
Составлено авторами на основе Глобального Индекса Элькано

Динамика развития «мягкого» глобального присутствия Испании в 1990–2018 гг.

Составлено авторами на основе Глобального Индекса Элькано

Динамика развития «мягких» элементов глобального присутствия Испании

Составлено авторами на основе Глобального Индекса Элькано

Рис. 1, 2, 3

По данным Индекса, с 1990 по 2018 г. Испания более чем в два раза увеличила свое глобальное присутствие (рис. 1) и более чем в три раза – «мягкое» присутствие в мире (рис. 2). Причем если в области туризма Испания была достаточно привлекательна уже к 1990 г., то в таких направлениях, как миграция, информация, культура, наука и кооперация, скачок произошел именно за эти 30 лет (рис. 3). Почти в 13 раз увеличился экспорт испанской культурной продукции (произведений литературы, кино, музыки и т. д.), стало публиковаться в 4,5 раза больше научных работ испанских авторов в международных изданиях, выросло практически с нуля международное информационное сотрудничество, Испания все чаще стала упоминаться в международных СМИ [Яковлев 2014]. Все это привело к тому, что в 2018 г. Испания заняла 12-е место в рейтинге глобального присутствия Элькано⁶.

Объективность данной оценки подтверждают исследования британской консалтинговой компании Portland, составляющей свой ТОП-30 стран по «мягкой силе». Этот рейтинг основывается на элементах, подразделяющихся на две категории: объективные и субъективные. К объективным относятся: демократическое развитие, привлекательность экономической системы, уровень образования, участие в международных организациях, туризм и т. д. Субъективные показатели собираются посредством опросов в 25 странах и включают в себя благожелательность по отношению к другим странам, национальную кухню, восприятие технологического развития и производства, предметов роскоши, привлекательность для туристов, студентов и мигрантов, вклад в мировое развитие и т. д. В этом рейтинге в 2018 г. Испания заняла 14-е место, а в 2019 г. поднялась до 13-го⁷.

«Марка Испания»: суть новой политики

Включение правительства Испании в процесс формирования более привлекательного национального бренда пришлось на 2010 г., когда при сотрудничестве Королевского института Элькано и представителей Народной партии (Partido Popular, PP) началась разработка проекта, получившего название «Марка

⁶Índice Elcano de Presencia Global [Электронный ресурс] // Real Instituto Elcano. URL: https://explora.globalpresence.realinstitutoelcano.org/en/country/iepg/soft_global/ES/ES/2018 (дата обращения 12 янв. 2020).

⁷The Soft Power 30. Portland: USC Center on Public Diplomacy, 2019. 123 p.

Испания». Его воплощение в жизнь было обеспечено приходом к власти в 2012 г. Народной партии, возглавляемой Мариано Рахоем [Косяк 2015]. Уже летом того года король Испании Хуан Карлос I подписал декрет № 998 об учреждении должности Верховного государственного комиссара по «Марке Испания»⁸. На Верховного комиссара, должность которого занял предприниматель Карлос Эспиноса де лос Монтерос, ложилась обязанность координации деятельности государственных органов и независимых организаций для продвижения образа Испании в мире [Diplomacia Pública 2014]. Эта деятельность осуществлялась через подотчетный Верховному комиссару Совет по «Марке Испания».

Среди государственных структур, с которыми сотрудничал К. Эспиноса, следует выделить Государственный секретариат по связям, Министерство образования, культуры и спорта, Министерство образования, Высший совет по спорту, Олимпийский комитет Испании и штат советников по культуре в посольствах Испании. Кроме того, успеху деятельности Верховного комиссара способствовала поддержка таких частных учреждений, как Институт Элькано, Институт Сервантеса, Фонд Каролины, агентство ЭФЭ (EFE) и Испанская радиовещательная и телевизионная корпорация (RTVE)⁹.

Таким образом, с 2012 г. в стратегических документах правительства Испании все чаще стали фигурировать такие словосочетания, как «мягкая сила», «национальный бренд» и «Марка Испания». Больше внимания стало уделяться развитию международного сотрудничества в области образования, культуры, спорта и туризма. Особенно успешно «мягкое» сотрудничество развивалось с регионом Латинской Америки и Карибского бассейна в силу историко-культурной, языковой и социальной близости, а также благодаря деятельности Иberoамериканского сообщества наций (ИСН) – межрегиональной организации, созданной на базе культурной и языковой близости Испании и стран региона [Аникеева 2015].

⁸Real Decreto 998/2012, de 28 de junio, por el que se crea el Alto Comisionado del Gobierno para la Marca España y se modifica el Real Decreto 1412/2000”, Presidencia del Gobierno “BOE” núm. 155 // Boletín Oficial del Estado. 2012.

⁹Informe № 1.275 de fiscalización del Alto Comisionado del Gobierno para la Marca España. Tribunal de Cuentas de España, 2018. P. 8.

Достижения «Марки Испания»

Наибольший интерес представляет изучение роли проекта «Марка Испания» в разработке научно-исследовательской базы, на основе которой Карлосом Эспиносой де лос Монтерос должны были координироваться усилия различных учреждений.

Учитывая роль Королевского института Элькано в разработке проекта, неудивительно, что в его рамках был создан новый орган, вошедший в структуру инструментов по «ребрендингу» Испании. В 2012 г. была образована «Обсерватория образа Испании» (Observatorio de la Imagen de España, OIE). Целью Обсерватории стало систематическое исследование восприятия Испании в мире. Работа проводится по пяти ключевым направлениям: (а) опросы общественного мнения за рубежом в рамках «Барометра образа Испании» (Barómetro Imagen de España, BIE) при поддержке консалтинговой компании Reputation Institute; (б) опросы общественного мнения внутри Испании в рамках «Барометра Королевского Института Элькано»; (в) сравнение образа Испании с реальными показателями в рамках Системы показателей различий между образом и реальностью (Sistema de Indicadores de la Distancia entre Imagen y Realidad, SIDIR); (г) публикация докладов по вопросам, связанным с образом Испании; (д) поддержание общей базы данных в рамках Центра социологических исследований¹⁰.

Таким образом, публикации «Обсерватории образа Испании» вкупе с Индексом глобального присутствия Элькано стали основой для разработки ряда программных и стратегических документов правительства Испании в области развития «мягкой силы».

Другим аналитическим инструментом, созданным при содействии Верховного комиссара по «Марке Испания», стала Система «Исследования Марки Испания» (Sistema “Inteligencia de Marca España”, MESIAS). Она была разработана Школой бизнеса и маркетинга ESIC для проведения качественного и количественного анализа развития элементов, составляющих основу испанского бренда. Качественный анализ проходит в рамках 12 аналитических ячеек, каждая из которых специализируется на той или иной составляющей образа Испании, и затем он дополняется международной сетью экспертного сотрудничества MESIAS (Red Exterior MESIAS).

¹⁰Observatorio Imagen España [Электронный ресурс] // Real Instituto Elcano. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/observatorio-imagen-espana/presentacion/que-es-el-oie (дата обращения 12 янв. 2020).

Количественный анализ Системы осуществляется в рамках семи индексов:

- *Индекс доверия к «Марке Испания» iTRUST* (Índice de Confianza en la Marca España), который определяет, как национальный бренд влияет на возможности интернационализации испанских компаний;
- *Индекс доверия к брендам автономных сообществ iTRUST CCAA* (Índice de Confianza en la Marca de las Comunidades Autónomas), который выполняет тот же анализ, что iTRUST, но для отдельных автономных сообществ по их запросу;
- *Индекс силы национального бренда iStrength* (Índice de Fortaleza de la Marca País), целью которого является измерение возможностей «Марки Испания» по привлечению ресурсов по сравнению с 206 национальными и территориальными брендами;
- *Индекс силы «Марки Испания» iStrength ME* (Índice de Fortaleza de la Marca España) – инструмент измерения возможностей испанского бренда в каждой отдельной стране;
- *Индекс силы национального бренда автономных сообществ iStrength CCAA* (Índice de Fortaleza de Marca de las Comunidades Autónomas), оценивающий возможности каждого автономного сообщества в создании привлекательного образа;
- *Индекс хорошего управления iG* (Índice de Buen Gobierno), целью которого является измерение качества государственных институтов и системы правления по сравнению с остальными странами;
- *Сбалансированная система показателей бренда Испании* (Cuadro de Mando Integral de la Marca España) – система оценивания эволюции различных элементов «Марки Испания»¹¹.

MESIAS напрямую сотрудничала с Верховным комиссаром по «Марке Испания» и предоставляла периодические отчеты, которые становились основой для выявления ключевых пробелов в существующей структуре испанского бренда.

В 2013 г. был сформулирован «План по улучшению места в рейтингах», суть которого заключалась в оценке положения Испании в 52 наиболее значимых международных рейтингах и определении мер по повышению этого показателя. Были отобраны рейтинги,

¹¹Inteligencia Cuantitativa [Электронный ресурс] // MESIAS. URL: <http://mesias.org.es/index.php/inteligencia-cuantitativa/> (дата обращения 14 янв. 2020).

оценивающие страны по тем показателям, которые способны оказать влияние на национальные бренды. Иными словами, согласно принятому плану, рассмотрению подлежали рейтинги по экономическому развитию, привлекательности культуры и образа жизни, уровню социального обеспечения граждан, системам управления и т. д.¹² По итогам анализа положения Королевства в этих рейтингах также определялись направления, требующие наибольшего внимания со стороны Верховного комиссара и подотчетных ему структур [Ramíro 2014].

С 2015 г. частью проекта по улучшению «Марки Испания» стала экспертиза Консалтинговой фирмы по социальным исследованиям и связи GAD3. Эта фирма занялась изучением места Испании в иностранных СМИ. Экспертами проводился анализ частоты упоминания Королевства и его граждан в наиболее значимых изданиях 10 стран, среди которых на первом месте по числу публикаций за 2014 г. оказалась Мексика¹³. Таким образом, благодаря отчетам GAD3 можно выявить, с одной стороны, страны, наиболее расположенные к информированию своих граждан о событиях, касающихся Испании, а с другой – сферы жизни Испании, наиболее интересующие международную общественность. Так, в докладе 2017 г. было определено, что наиболее часто в иностранных СМИ упоминания об Испании возникали в связи со спортивными событиями – на эти публикации пришелся 41% от общего числа новостей касательно Испании¹⁴.

Последним проектом, внесшим вклад в разработку исследовательской базы для развития испанского бренда, стала в 2016 г. инициатива консалтинговой компании Accenture по составлению Индекса восприятия Испании на международном финансовом рынке (IMAFIN). Этот Индекс позволял оценить уровень финансовой привлекательности Испании; показывал объемы премий за риск прямых и портфельных инвестиций в Испанию, ее платежеспособ-

¹²Plan de mejora del posicionamiento en rankings [Электронный ресурс] // España global. URL: <https://espanaglobal.gob.es/actualidad/plan-de-mejora-del-posicionamiento-en-rankings> (дата обращения 14 янв. 2020).

¹³España en la prensa internacional. Informe [Электронный ресурс] // España global. 2015. URL: <https://espanaglobal.gob.es/sites/default/files/Espan%CC%83a%20en%20la%20prensa%20internacional%202010-2014.pdf> (дата обращения 14 янв. 2020).

¹⁴El deporte, principal embajador de España en la prensa internacional [Электронный ресурс] // GAD3. 2017. URL: <https://www.gad3.com/single-post/El-deporte-principal-embajador-de-Espana-en-prensa-internacional> (дата обращения 14 янв. 2020).

ность в отношении долгов; давал рекомендации относительно переменных доходов и их волатильности. Индекс восприятия Испании на международном финансовом рынке стал инструментом определения привлекательности страны, а также испанских банков и предприятий для иностранных инвесторов¹⁵.

Таким образом, в рамках программы по улучшению «Марки Испания» была создана комплексная исследовательская структура, которая охватывала различные элементы, составляющие часть национального бренда. С использованием вышеперечисленных инструментов определялись основные недочеты и упущения в международном имидже Испании, что позволяло Верховному комиссару по «Марке Испания» согласовывать с правительственными и частными институтами необходимые для их устранения шаги.

В целом к 2018 г. стали заметны положительные результаты в области национального «ребрендинга». Об этом свидетельствуют доклады и отчеты институтов, составляющих часть аналитической сети «Марки Испания». Так, по данным «Барометра Марки Испания», общая оценка образа Королевства возросла с 2012 г.¹⁶ по 2017 г.¹⁷ на 0,74 пункта по 10-балльной шкале. Индекс доверия «Марке Испания» iTRUST также продемонстрировал рост доверия граждан к национальному бренду Испании с 2013 по 2018 г. Улучшились показатели уверенности испанцев в том, что их страна вызывает доверие на мировой арене, что правительство вносит вклад в создание привлекательного образа Королевства и что можно доверять качеству испанских продуктов и услуг¹⁸. Отчет IMAFIN за 2-й триместр 2018 г. также указывает на стабильный рост финансовой привлекательности Испании с 2012 г.¹⁹

¹⁵ IMAFIN – Índice de Percepción de España en los Mercados Financieros [Электронный ресурс] // Accenture España. 2016 <https://www.youtube.com/watch?v=qvdVucMJBdE>. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qvdVucMJBdE> (дата обращения 14 янв. 2020).

¹⁶ 1ª Oleada Barómetro Marca España // Real Instituto Elcano de Estudios Internacionales y Estratégicas, 2012. P. 2–6.

¹⁷ 8ª Oleada Barómetro Marca España // Real Instituto Elcano de Estudios Internacionales y Estratégicas, 2018. P. 6.

¹⁸ Cuballo J.M. Índice de Confianza en la Marca España. MESIAS, 2019. P. 3.

¹⁹ Índice de percepción de España en los mercados financieros. Segundo trimestre de 2018. Accenture, 2018. P. 4.

Проблемы в реализации проекта

Несмотря на успехи в сфере улучшения образа Испании в мире, граждане Королевства были недовольны той ценой, которой они были достигнуты. В 2018 г. Счетная Палата Испании опубликовала доклад о деятельности Верховного комиссара по «Марке Испании». К 2016 г. К. Эспиноса де лос Монтерос, занимавший эту должность, потратил почти 300 млн евро, при этом около 75% от этой суммы было использовано на транспортные расходы. Лишь 72 млн 270 тыс. евро из выделенных средств было использовано на мероприятия, целью которых является улучшение образа Королевства²⁰.

Кроме того, хотя некоторые показатели привлекательности образа Испании в мире выросли, многие рейтинги не демонстрировали значимого роста. Даже в Индексе глобального присутствия Королевского института Элькано Испания не только не поднялась выше в рейтинге, но и опустилась с 11-й на 12-ю позицию²¹.

Новая политика «Глобальная Испания»

После победы на выборах Испанской социалистической рабочей партии (ИСПП, Partido Socialista Obrero Español, PSOE) во главе с Педро Санчесом и смены власти в 2018 г. должность Верховного комиссара по «Марке Испании» осенью того же года была упразднена.

Правительством был инициирован проект «Глобальная Испания» (España Global), цель которого, однако, идентична цели «Марки Испания». Согласно новому королевскому декрету, была создана должность Государственного секретаря по «Глобальной Испании» (Secretaria de Estado de la España Global). На эту должность была назначена представительница ИСПП Ирене Лосано Доминго. Совет по «Марке Испания» был заменен на Ведомство «Глобальной Испании» на уровне Генерального управления²².

²⁰Informe № 1.275 de fiscalización del Alto Comisionado del Gobierno para la Marca España. Tribunal de Cuentas de España, 2018. P. 32.

²¹Estructura del Índice Elcano de Presencia Global [Электронный ресурс] // Real Instituto Elcano. URL: <https://www.globalpresence.realinstitutoelcano.org/es/estructura> (дата обращения 12 янв. 2020).

²²Real Decreto 1271/2018, de 11 de octubre, por el que se desarrolla la estructura orgánica básica del Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación y por el que se modifica el Real Decreto 595/2018, de 22 de junio, por el que se establece la estructura orgánica básica de los departamentos ministeriales // Boletín Oficial del Estado. 2018.

Должность Государственного секретаря по «Глобальной Испании» была создана с учетом общественной критики в отношении Верховного комиссара по «Марке Испания»: ограничивалась заработная плата, устанавливалась зависимость от Министерства иностранных дел и сотрудничества Испании, повышалась ответственность за деятельность²³.

Фактически этот проект стал продолжением «Марки Испания». Была проведена модификация некоторых инструментов: обновлены веб-сайт и YouTube-канал проекта, прекращено сотрудничество с GAD3 и Accenture и, наоборот, расширено партнерство со Школой бизнеса и маркетинга ESIC в рамках Системы MESIAS²⁴.

Главным вызовом для нового проекта по «ребрендингу» образа Испании стал каталонский кризис, обострение которого пришлось на 2017–2019 гг. По словам Ирене Лосано, целью инициативы было предоставление правдивой информации Европе и миру о сложившейся в Испании ситуации, а также подтверждение приверженности Королевства демократическим принципам²⁵.

Первым крупным самостоятельным проектом в рамках «Глобальной Испании» стало издание в сентябре 2019 г. доклада «Реальность о сепаратистском процессе» (“La realidad sobre el proceso independista”). Этот доклад содержит хронологию развития кризисной ситуации в Каталонии, позицию правительства Испании по проблеме сепаратизма, а также ответы на основные вопросы, которые чаще всего возникают у иностранцев относительно сложившейся обстановки²⁶. Однако о достижении докладом поставленных целей говорить пока рано.

Таким образом, Испания развивает свои подходы к проблеме «мягкой силы», придает большое значение формированию «позитивного имиджа» страны на мировой арене и привлекает к решению этой задачи как ведущие аналитические центры, так и правитель-

²³ *Esteban P.* La Secretaría de Estado de Lozano para la Marca España: 110.000 euros y coche oficial [Электронный ресурс] // El Confidencial. 2018. Oct. 10. URL: https://www.elconfidencial.com/espana/2018-10-10/marca-espana-irene-lozano-borrell-secretaria-estado-coche-oficial-110-000-euros_1627960/ (дата обращения 15 янв. 2020).

²⁴ The official site of “This is the Real Spain” [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thisistherealspain.com/> (дата обращения 15 янв. 2020).

²⁵ Борзоваestáconfusa” [Электронный ресурс] // Lavanguardia. 2019. Feb. 04. URL: <https://www.lavanguardia.com/politica/20190204/46190568355/espana-global-europa-dudas-democracia-confusa.html> (дата обращения 15 янв. 2020).

²⁶ La realidad sobre el proceso independista. España Global, 2019. 90 p.

ственные структуры. При реализации проекта «Марка Испания» были достигнуты определенные позитивные результаты. После прихода нового правительства его сменил проект «Глобальная Испания», в котором модифицированы инструменты для повышения привлекательности образа Испании. Одним из направлений нового проекта стало пояснение происходящих в стране процессов, связанных с сепаратистскими тенденциями в Каталонии.

Литература

- Аникеева 2015 – *Аникеева Н.Е.* Внешнеполитическая деятельность правительства М. Рахоя // *Ибероамериканские тетради*. 2015. № 1. С. 23–30.
- Борзова 2014 – *Борзова А.Ю., Кузеванов И.С.* Роль Испании в развитии диалога между ЕС и странами Латинской Америки в рамках института саммитов ЕС – ЛАК // *Вестник РУДН. Серия «Международные отношения»*. 2014. № 1. С. 41–57.
- Косяк 2015 – *Косяк Е.В.* Концептуальные основы и приоритеты внешней политики Испании в контексте формирования полицентричной системы международных отношений (2000–2014 гг.): Дис. ...канд. ист. наук. М., 2015. 240 с.
- Яковлев 2014 – *Яковлев П.П.* Экономическая дипломатия Испании: роль «мягкой силы» // *Язык как экономический и политический фактор международных отношений: Международный симпозиум: Сборник докладов*. М.: Ин-т Латинской Америки РАН, 2014. С. 92–96.
- Diplomacia Pública 2014 – *Diplomacia Pública y Marca España. + Public diplomacy and Spain Brand* // *Comillas Journal of International Relations*. 2014. No. 1. 149 p.
- Noya 2005 – *Noya J.* El poder simbólico de las naciones. Real Instituto Elcano. Documento de trabajo 35/2005. 17 p.
- Nye 2004 – *Nye J.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004. 208 p.
- Ramiro 2014 – *Ramiro P.* Marca España. ¿A quién beneficia? Barcelona: Icaria, 2014. 96 p.
- Soriano 2005 – *Soriano M.R.T.* El poder blando: ¿una alternativa a la fuerza militar? // *Política y Estrategia*. 2005. No. 100. P. 1–14.

References

- Anikeeva, N.E. (2015), Foreign Policy Activities of the Government of M. Rajoy, *Iberoamerikanskije tetradi*, no. 1, pp. 23-30.
- Borzova, A.Yu. and Kuzevanov, I.S. (2014), “The role of Spain in developing dialogue between the EU and Latin American countries within the framework of the EU-LAC Summits”, *Vestnik RUDN, “International relations” Series*, no. 1, pp. 41-57.

- Kosyak, E.V. (2015), The conceptual framework and priorities of Spain's foreign policy in the context of the formation of a polycentric system of international relations (2000–2014), Ph.D. dissertation, Moscow, Russia.
- Noya, J.(2005), *El poder simbólico de las naciones*, Real Instituto Elcano, Madrid, Spain.
- Nye, J. (2004), *Soft Power, The Means to Success in World Politics*, Public Affairs, New York, USA.
- Ramiro, P.(2014), *Marca España. ¿A quién beneficia?* Icaria, Barcelona, Spain.
- Saenz-Francés San Baldomero, E. (ed.) (2014), *Diplomacia Pública y Marca España. + Public diplomacy and Spain Brand*, Comillas Journal of International Relations, Madrid, Spain.
- Soriano, M.R.T. (2005), El poder blando: ¿una alternativa a la fuerza militar?, *Política y Estrategia*, no. 100, pp. 1-14.
- Yakovlev, P.P. (2014), "Spain's economic diplomacy: the role of 'soft power' ", in Medvedeva, T.A., Pigareva, T.I. and Taiar, V.M. (eds.), *Yazyk kak ekonomicheskii I politicheskii factor mezhdunarodnykh otnosheni* [Language as an economic and political factor in international relations], ILA RAS, Moscow, Russia, pp. 92-96.

Информация об авторах

Алла Ю. Борзова, доктор исторических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; bau845@mail.ru

Нино Д. Николашвили, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; n.i.n.o.31297@gmail.com

Information about the authors

Alla Yu. Borzova, Dr. of Sci. (History), professor, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklai Street, Moscow, Russia, 117198; bau845@mail.ru

Nino D. Nikolashvili, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklai Street, Moscow, Russia, 117198; n.i.n.o.31297@gmail.com

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 321(430)

DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-94-107

Понятия «Запад», «нация», «Abendland» в общественно-политическом дискурсе Германии

Александр Н. Юрин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, yurinalexander@mail.ru*

Аннотация. Опираясь на методологию исторической семантики и истории понятий, в данной статье поставлена задача проанализировать соотношение понятий «Запад», «нация» и «Abendland» в общественно-политическом дискурсе ФРГ. Рассматривая эти понятия не только как индикаторы, но и как факторы социально-политических «мы-групп», можно под новым углом взглянуть на целый ряд общественно-политических процессов в современной ФРГ. А в более широкой исторической перспективе изучение того, каким образом меняется семантическое содержание и взаимоотношение этих базовых понятий, поможет лучше осмыслить социально-политический опыт Германии во второй половине XX – начале XXI в.

На примере ключевых для политической мысли ФРГ текстов, общественно-политических дебатов, а также программных документов новых социально-политических движений и партий мы попытаемся проследить меняющиеся концептуальные связи между выбранными понятиями.

Основное внимание в статье уделено тому, каким образом вовлечение послевоенной ФРГ в западные политические институты повлияло на попытки преодоления традиционного самопонимания в качестве «культурной нации», и той роли, которую в этом играло понятие «Запад». Помимо этого, автор рассматривает и то, каким образом понятие «Abendland», обладающее богатой интеллектуальной историей, снова становится популярным в общественно-политическом дискурсе в начале XXI в. Будучи включенным в целый ряд как политических, так и публичных дебатов, это понятие ресемантизируется в новых контекстах, где оно по-новому резонирует с понятием «культурная нация», занимая видное место как в риторике, так и в программных документах партии «Альтернатива для Германии».

Ключевые слова: Германия, Запад, нация, Abendland, «Альтернатива для Германии», общественно-политический дискурс

© Юрин А.Н., 2020

Для цитирования: Юрин А.Н. Понятия «Запад», «нация», «Abendland» в общественно-политическом дискурсе Германии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. С. 94–107. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-94-107

Concepts West–Nation–Abendland in German sociopolitical discourse

Alexander N. Yurin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
yurinalexander@mail.ru*

Abstract. Drawing from the methodology of historical semantics and conceptual history, this article addresses an intricate interconnection between the concepts: West, Nation, and Abendland in German sociopolitical discourse. Regarding concepts both as indicators and factors of sociopolitical “we-groups” makes it possible to take a new look at a wide range of social and political processes in contemporary FRG. A historical perspective on how these basic concepts acquire new meanings and build semantic interconnections will help better understand Germany’s sociopolitical experience after World War II. I will demonstrate how semantic interconnections between the chosen concepts change in key texts of German political thought, public debates, and political programs. First, I will focus on FRG’s postwar integration in western political institutions and attempt to overcome traditional self-understanding as a “cultural nation”. I will also indicate the role of the concept West in this process. Then, I will explore how the concept Abendland, which has a long intellectual history, becomes popular in sociopolitical discourse at the beginning of the 21st century. I will demonstrate how this concept ascribes new meanings and resonates with the concept of “cultural nation” in “Alternative for Germany’s” rhetoric and political program.

Keywords: Germany, West, nation, Abendland, Alternative for Germany, sociopolitical discourse

For citation: Yurin, A.N. (2020), “Concepts West–Nation–Abendland in German sociopolitical discourse”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 94–107, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-94-107

Такие исследовательские программы в рамках исторической семантики, как «История понятий» (Begriffsgeschichte), сложившаяся вокруг коллектива под руководством Райнхардта Козеллека, и так называемая «Кембриджская школа» [Атнашев, Велижев 2018], представленная Квентином Скиннером, Джоном Пококом,

Джоном Данном, не только внесли неоценимый вклад в изучение истории политической мысли, но и сформировали прочные методологические основания для широкого круга междисциплинарных исследований. И если изначально история понятий занимала скромный статус исторической субдисциплины, то уже к концу XX в. она использовалась в широком спектре научных исследований. Говоря об эволюции истории понятий как исследовательской программы, Ханс Эрих Бёдекер отмечает, что сегодня она должна быть осмыслена в методологическом плане как «социоисторический дискурсивный анализ», что сближает ее с англо-американской традицией [Бёдекер 2010, с. 9].

На основе такого подхода мы попытаемся проследить, каким образом понятия «Запад», «нация» и “Abendland” играют роль узловых точек (nodal points) [Йоргенсен, Филлипс 2008, с. 56] в общественно-политическом дискурсе Германии и как между ними выстраиваются семантические взаимосвязи. Важность и ценность такого исследования объясняется исходя из самих методологических оснований истории понятий, согласно которым последние являются не просто индикаторами, но и факторами социально-политических «мы-групп». Именно за счет использования тех или иных понятий переопределяются границы этих групп: происходит включение одних и исключение других [Koselleck 1979, S. 389]. В этом смысле борьба за изменение содержания базовых социально-политических категорий должна быть рассмотрена как суть политической борьбы, а изменение содержания базовых понятий – свидетельствовать о социально-политических сдвигах [Бурдые 2007, с. 288].

Соотношение понятий «нация» и «Запад»

Существует достаточно богатая интеллектуальная традиция противопоставления германского опыта национального строительства, основанного на представлении о германской нации как нации, объединенной по культурному и языковому признаку, западному, где нация понималась преимущественно в качестве политического сообщества. В этой традиции Германия часто описывается в качестве «культурной» или же «этнической нации», в то время как Франция, Великобритания и другие страны Западной Европы описывались при помощи понятия «государственная» или «политическая нация» [Meinecke 1911, Вернер, Гцницер, Козеллек, Шёнemann 2014, Хабермас 2002, Brubaker 1992, Малахов 2010]. Разный опыт национального строительства отразился и на содержании понятия «нация» в повседневном языке. Понятие «нация» в странах

Западной Европы и США прочитывается синонимично или даже в качестве взаимозаменяемого понятию «государство», а под «национальностью» преимущественно понимается «гражданство». В то же время в Германии и странах Восточной Европы понятия «нация» и «национальность» предполагают этнокультурную систему отсылки [Брубейкер 2012, с. 48].

Однако после окончания Второй мировой войны понятие «культурная нация» в значительной степени делегитимизируется в Федеративной Республике Германия. В первую очередь, это происходило через осознание коллективной вины и ответственности за ужасы Холокоста. Уже в 1946 г. Карл Ясперс пишет свою монументальную работу «Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии» [Ясперс 1999], которая, по меткому наблюдению Яна-Вернера Мюллера, установила «фундаментальные параметры послевоенных дискуссий о немецкой вине и ее связи с германской нацией» таким образом, что к этой теме еще не раз возвращались многие интеллектуалы вплоть до дискуссий об объединении [Müller 2000, p. 27]. «Триумфальное понятие немецкой *Kultur* (культурной нации) было замещено травматическим осознанием Холокоста; нация, которая дала начало необыкновенной *Weltliteratur* (мировой литературе), также породила невыразимые и непостижимые ужасы лагерей смерти», – писал Берхард Гисен, говоря о послевоенном опыте граждан ФРГ [Giesen 2004, p. 116].

В то же время, как убедительно продемонстрировал Ханс Кohn [Kohn 1965], понятие «культурная нация», активно продвигаемое германскими интеллектуалами вплоть до конца войны, было несовместимо с западными политическими ценностями. Включение ФРГ в западные институты и взятый Конрадом Аденауэром курс на кооперацию со странами Запада, получивший название “Westbindung”, предполагали отказ от идеологии особого пути (Sonderweg), а также преодоление самопонимания, основанного на представлении о «культурной нации». Важную роль в этом процессе сыграли германские интеллектуалы. Одним из выдающихся примеров является работа Гельмута Плеснера «Опоздавшая нация» [Plessner 1959], где ФРГ описывалась в качестве опоздавшей в круг западных государств, которые представляли собой политические нации (*Staatsnationen*).

В послевоенный период принадлежность Западу и западным ценностям рассматривалась многими интеллектуалами в качестве наивысшей ценности, а возвращение к культурной нации было неприемлемым. Так, во время одного из главных интеллектуальных событий послевоенной Германии, которое получило название «Спор историков» (*Historikerstreit*), Юрген Хабермас писал:

Безоговорочное открытие Федеративной Республики навстречу политической культуре Запада является великим интеллектуальным достижением послевоенного времени, которым мое поколение по праву может гордиться... Для культурной нации немцев (Kulturnation) укорененная в убеждениях связь с конституционными принципами, к сожалению, могла быть построена только после и вследствие (durch) Аушвица. И те, кто сегодня пытается нас вогнать в краску с помощью словосочетания “одержимость виной” (Штюрмер и Оппенгеймер), те, кто призывает немцев вернуться к конвенциональной форме национальной идентичности, разрушают единственную надежную основу для связи с Западом [Habermas 1987, S. 50].

Мысль о становлении Германией частью Запада была очень влиятельной в германской историографии второй половины XX в. Ярким примером тому служит работа Хайнриха Августа Винклера под названием «Долгая дорога на Запад. История Германии» [Winkler 2000]. В этой ставшей уже классической (Standardwerk) [Becker 2013, S. 232] работе автор описывает историю Германии как долгий извилистый путь со своими ответвлениями (Sonderweg), который благополучно заканчивается немецким воссоединением и становлением обеих Германий частью Запада.

Изменение общественно-политического дискурса в 1990-е гг.

После объединения Германии и крушения СССР понятие «Запад» несколько утратило свою важную мобилизационную силу ввиду отсутствия общего врага. За период 1990-х гг. в отношениях стран Европейского союза и США накопилось достаточное количество противоречий, которые только усилились с момента смены Клинтона Бушем [Winkler 2016, S. 76]. Реакция европейцев на вторжение США в Ирак в 2003 г. позволила Юргену Хабермасу, с одной стороны, говорить о рождении общеевропейской общественности, а с другой – о «расколотом Западе» [Хабермас 2008, с. 192].

И если до 1980 г. тема европейской интеграции для большего числа интеллектуалов казалась «мелкой, чисто экономической, технократической, культурно-непривлекательной», поскольку основное внимание было приковано к «Западу» [Kaelble 2009, p. 194], то уже с начала 1990-х гг. она становится одной из основных тем общественно-политических дискуссий в Германии. Вместе с этим в самом центре общественно-политических дебатов оказы-

вается тема иммиграции. В 1991 г. «иностранцы» и «беженцы» занимали второе место по важности в общественном мнении после проблем, связанных с воссоединением, а уже в 1992 г. «проблема иностранцев» была на первом месте в западной части Германии и следовала сразу же за проблемами безработицы и экономического роста в восточной части [Bade, Anderson 1994, p. 93]. За достаточно короткий исторический период Германия превратилась из, по большей части, «этнически гомогенной» в «страну иммиграции» [Beck-Gernsheim 2006, p. 185]. Так, если в 1955 г. пропорция так называемых иностранцев по отношению к общему числу населения страны составляла около 1%, то в 1995 г. их количество было самым большим в Европе – 7,7 млн человек, или 8,8% от общего числа населения [Bade 2003, p. 276].

В 1998 г. выходит книга Бассама Тибби «Европа без идентичности? Кризис мультикультурного общества» [Tibi 1998], в которой поиски европейской идентичности происходят через противопоставление иммигрантам-мусульманам. Следуя за цивилизационным подходом Самюэля Хантингтона, автор противопоставляет Европейскую цивилизацию (которую он считал частью цивилизации Запада) и цивилизацию Ислама, представленную иммигрантами. В качестве культурного консенсуса между ними он видит образование «европейской ведущей культуры», основанной на таких базовых принципах культурного модерна, как демократия, лаицизм, просвещение, права человека и гражданское общество. Уже через два года введенное им в оборот понятие «европейская ведущая культура» было деконтекстуализировано, изменено до понятия «немецкая ведущая культура» и стало центральным в общественно-политических дебатах об интеграции иммигрантов, инициированных лидером фракции ХДС/ХСС Фридрихом Мерцем в 2000 г. [Merz 2000, p. 276].

И если в конце 1990-х гг. как Хантингтон, так и Тибби не представляли интеллектуальный мейнстрим в Германии (скорее наоборот), то сразу же после событий 11 сентября 2001 г. происходит ревитализация интереса к цивилизационным подходам. Кроме того, начала меняться как политическая риторика, так и общественные настроения [Leibold, Kühnel, Heitmeyer 2006, S. 3]. Томас Файст справедливо замечает, что после террористических актов 11 сентября в общественном сознании стала привычной оппозиция «“мы” (американцы, немцы и т. д.) против “них” (иммигрантов, мусульман)» [Faist 2006, p. 111]. Темы религии и цивилизационного противостояния занимают важное место в общественно-политическом дискурсе в начале 2000-х гг. Значение этих тем только усиливается в публичных дебатах о европейской конституции, где одной из наибо-

лее обсуждаемых частей представленного проекта стала преамбула, отсылающая к «культурному, религиозному и гуманистическому наследию Европы»¹. В этот же период разворачиваются дебаты о вступлении Турции в ЕС, ставшие одной из наиболее значительных интеллектуальных и общественно-политических дискуссий того времени [Кокка 2007, с. 12]. «После 11 сентября 2001 г. едва ли проходит день без больших или малых конфликтов, которые так или иначе связаны с политизацией религии или религиозной заряженностью политики», – писал Вильфрид Шпон об общественно-политическом климате начала 2000-х гг. [Spohn 2008, S. 9]

Соотношение понятий «нация» и “Abendland”

В этот период в общественно-политических дискуссиях видное место занимает понятие “Abendland”. Несмотря на то что иногда его переводят как «Запад»², в отличие от понятия “Westen” оно отсылает не к политической культуре, связанной с либерализмом, демократией или же капитализмом, а в первую очередь к цивилизационным и религиозным (связанным с западным христианством) коннотациям. Активно это понятие начинает использоваться во время так называемых «споров о головных платках» (Kopftuchstreit), где Германия нередко описывалась в качестве христианско-окцидентальной (christlich-abendländisch) страны, что предполагало свободное использование христианских религиозных символов в государственных учебных учреждениях и при этом исключение мусульманских головных уборов и другой религиозной символики.

Для таких исследователей, как Кристиан Йопке [Joppke 2009] и Никола Титце [Tietze 2001], применение тропа “christlich-abendländisch” было своеобразным эрзацем для понятия «нация»,

¹См. полный текст: Treaty establishing a Constitution for Europe. Preamble [Электронный ресурс] // Official Journal of the European Union. 2004. Dec. 16. Vol. 47. URL: http://publications.europa.eu/resource/cellar/7ae3fd7e-8820-413e-8350-b85f9daaab0c.0005.02/DOC_1 (дата обращения 15 июня 2019).

²В русскоязычной литературе понятие “Abendland” встречается прежде всего благодаря переводу книги Освальда Шпенглера «Закат Европы» (Der Untergang des Abendlandes), где оно не совсем точно переводится как «Европа». Хотя в последние годы появились переводы этой работы с заглавием «Закат Западного мира». В англоязычной традиции встречаются названия: “The Decline of the West” и “The Downfall of the Occident”.

интерпретируемого в этническом и культурном ключе. И если до этого “Abendland” было скорее понятием из лексикона историков культуры или маргинальных интеллектуалов правого толка [Faber 2002], то в 2000-е гг. начинает расти его политический и мобилизационный потенциал.

Пожалуй, наиболее ярким примером того, каким образом оно превращается в понятие политической борьбы (Kampfbegriff), служит возникшее в 2014 г. антииммигрантское движение P.E.G.I.D.A. [Becher, Begass, Kraft 2015], которому на фоне миграционного кризиса удалось мобилизовать под своими флагами многотысячные демонстрации [Vorländer, Herold, Schäller 2016, S. 8]. Понятие “Abendland” оказалось уже в названии этого движения, которое расшифровывалось как «Патриотические европейцы против исламизации Запада» (Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes). И, несмотря на то что объединение понятий «Европа», “Abendland” и «нация» в одном названии представляли определенную «историческую странность», с точки зрения истории этих идей XIX–XX вв. [Kallscheuer 2017] это свидетельствовало о возникновении новых понятийных конфигураций в политическом языке Германии. Разумеется, понятие “Abendland” уже не прочитывалось тем же образом, как у Шпенглера или в еще более далекой средневековой римско-католической традиции [Faber 2002, Weiß 2017]. В контексте иммиграционной политики оно символизировало борьбу с предполагаемой «исламизацией» Европы (ЕС) и иммигрантами.

Понятие “Abendland” активно заимствуется основанной в 2013 г. партией «Альтернатива для Германии» (АдГ). Оно включается в качестве важного элемента (в форме производного прилагательного) в уставную программу (Grundsatzprogramm), где выступает ключевой характеристикой германской культуры. «Мы открыты по отношению к миру, но при этом мы хотим быть немцами и оставаться такими впредь. Мы хотим надолго сохранить человеческое достоинство, семью, полную детей, нашу окцидентальную (abendländische) христианскую культуру, наш язык и традиции в свободном, демократическом и суверенном национальном государстве немецкого народа», – говорится во вступительной части программы³.

В этой же программе открыто декларируется, что Германия принадлежит к крупнейшим европейским культурным нациям⁴.

³ „Programm für Deutschland“. Das Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland. S. 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.afd.de/grundsatzprogramm#langversion> (дата обращения 25 нояб. 2019).

⁴Ibid. S. 46.

И речь идет не только о культурном наследии и достижениях науки и искусства. Понятие «культурная нация» используется в качестве ключевого в разделе, посвященном иммиграционной политике:

На первом плане стоят интересы Германии как социального государства, экономической и культурной нации. Мы рады квалифицированным для рынка труда и готовым к интеграции иммигрантам. Мы должны использовать на благо себе многолетний опыт других западных стран иммиграции. К этому не относится нерегламентированный приток беженцев, который не идет на пользу экономическому положению Германии и вредит обществу⁵.

В 2017 г. «Альтернатива для Германии» одержала ошеломительный успех на выборах в бундестаг. В 19-м собрании она представлена 92-мя депутатами [Heitmeyer 2018, S. 10]. Это явление казалось многим исследователям экстраординарным не только потому, что начиная с 1950-х гг. ни одной партии, располагающейся далеко в правой части политического спектра, не удавалось войти в германский парламент [Butterwegge, Hentges, Wiegel 2018, S. 4–5], но еще и потому, что от основания АдГ и до ее появления в бундестаге в качестве самой крупной оппозиционной партии прошло совсем немного времени. С ее победой на повестку широких политических дебатов возвращается, казалось, преодоленное в послевоенное время понятие «культурная нация». Но теперь оно черпает свой политический потенциал за счет антииммигрантской риторики и отсылкам к понятию “Abendland”. И если понятие «Запад» предполагало преодоление основанного на понятии «культурная нация» самопонимания после Второй мировой войны, то “Abendland”, напротив, дискурсивно усиливало культурную компоненту в понятии «нация».

Каждое из вышеназванных понятий не следует рассматривать в качестве фиксированного. Скорее, наоборот, оно является той точкой, в которой постоянно происходит борьба различных дискурсов и политических сил за его переопределение. Изменение круга значений каждого из понятий происходит не только за счет изменения контекстов, в которых они используются, но и благодаря возникновению новых понятийных констелляций. Использование же истории понятий как методологической перспективы помогает не только увидеть эти семантические сдвиги, но и проследить динамику социально-политических изменений.

⁵ „Programm für Deutschland“. Das Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland. S. 62 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.afd.de/grundsatzprogramm#langversion> (дата обращения 25 нояб. 2019).

Литература

- Атнашев, Велижев 2018 – *Атнашев Т., Велижев М.* Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 632 с.
- Бёдекер 2010 – *Бёдекер Х.Э.* Отражение исторической семантики в исторической культурологии // Бёдекер Х.Э. (ред) История понятий, история дискурса, история менталитета. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 5–21.
- Брубейкер 2012 – *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
- Бурдые 2007 – *Бурдые П.* Социология социального пространства / Пер. с фр.; Отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетей, 2007. 288 с.
- Вернер, Гцницер, Козеллек, Шёнеман 2014 – *Вернер К.Ф., Гцницер Ф., Козеллек Р., Шёнеман Б.* Народ, нация, национализм, масса (Volk, Nation, Nationalismus, Masse) // Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле [сост.] Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: В 2 т. Т. 2 / Пер. с нем. К. Левинсон; сост. научн. ред. перевода Ю. Арнаутова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 322–753.
- Йоргенсен, Филлипс 2008 – *Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Д.* Дискурс-анализ. Теория и метод: Пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
- Кокка 2007 – *Кокка Ю.* Границы Европы и идентичность: исторический опыт и вызовы современности. Серия: Зарубежные ученые в РГГУ. М.: РГГУ, 2007. 37 с.
- Малахов 2010 – *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология: Учеб. пособие. М.: КДУ, 2010. 315 с.
- Хабермас 2002 – *Хабермас Ю.* Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М. и др. Нации и национализм / Пер с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М.: Практикс, 2002. С. 364–381.
- Хабермас 2008 – *Хабермас Ю.* Расколотый Запад. М.: Весь мир, 2008. 192 с.
- Ясперс 1999 – *Ясперс К.* Вопрос о виновности. М.: Прогресс, 1999. 146 с.
- Bade 2003 – *Bade K.J.* Migration in European History. Malden, MA; Oxford; Carlton, Victoria: Blackwell, 2003. 402 p.
- Bade, Anderson 1994 – *Bade K.J., Anderson L.* Immigration and Social Peace in United Germany // Daedalus. 1994. Germany in Transition. Vol. 123. No. 1. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1994. P. 85–106.
- Becher, Begass, Kraft 2015 – *Becher Ph., Begass C., Kraft J.* Der Aufstand des Abendlandes: AfD, PEGIDA & Co.: vom Salon auf die Straße. Köln: Papy Rossa, 2015. 130 S.
- Becker 2013 – *Becker M.* Geschichtspolitik in der “Berliner Republik”. Konzeptionen und Kontroversen. Wiesbaden: Springer VS, 2013. 589 S.
- Beck-Gernsheim 2006 – *Beck-Gernsheim E.* Turkish Brides: A Look at the Immigration Debate in Germany // Bodemann Y., Yurdakul G. (Hrg.) Migration, Citizenship, Ethnos. New York: Palgrave Macmillan, 2006. P. 185–197.

- Brubaker 1992 – *Brubaker R.* Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge, Mass.; London, England: Harvard University Press, 1992. 288 p.
- Butterwegge, Hentges, Wiegel 2018 – *Butterwegge C., Hentges G., Wiegel G.* Rechtspopulisten im Parlament: Polemik, Agitation und Propaganda der AfD. Frankfurt am Main: Westend Verlag, 2018. 224 S.
- Faber 2002 – *Faber R.* Abendland. Ein “politischer Kampfbegriff”. Berlin/Wien: Philo-Verlag, 2002. 205 S.
- Faist 2006 – *Faist T.* The Migration-Security Nexus: International Migration and Security Before and After 9/11 // Bodemann M.Y., Yurdakul G. (Eds.) Migration, Citizenship, Ethnos. Palgrave Macmillan, 2006. P. 103–119.
- Giesen 2004 – *Giesen B.* The Trauma of Perpetrators: The Holocaust as the Traumatic Reference of German National Identity // Cultural Trauma and Collective Identity / J.C. Alexander, R. Eyermann, B. Giesen, N. Smelser und P. Sztompka. Berkeley CA: University of California Press, 2004. P. 112–155.
- Habermas 1987 – *Habermas J.* Eine Art Schadensabwicklung. Die apologetischen Tendenzen in der deutschen Zeitgeschichtsschreibung. DIE ZEIT v. 11.07.86// Kühnl R. (Hrsg.) Streit ums Geschichtsbild: d. “Historiker-Debatte“; Darst., Dokumentation, Kritik. Köln: Pahl-Rugenstein, 1987. P. 42–51.
- Heitmeyer 2018 – *Heitmeyer W.* Autoritäre Versuchungen: Signaturen der Bedrohung I. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2018. 393 S.
- Joppke 2009 – *Joppke C.* Veil: mirror of identity. Cambridge: Polity Press, 2009. 176 p.
- Kaelble 2009 – *Kaelble H.* Identification with Europe and politicization of the EU since the 1980s. // European Identity / Checkel J.T., Katzenstein P.J. (eds.). Cambridge University Press, 2009. P. 193–213.
- Kallscheuer 2017 – *Kallscheuer O.* Abendland – Deutschland – Europa: Vier ideenpolitische Fußnoten zum neudeutschen Diskurs. (und eine französische Marginalie) // Brömmel W., König H., Sicking M. (Hgs.) Populismus und Extremismus in Europa: Gesellschaftswissenschaftliche und sozialpsychologische Perspektiven (Europäische Horizonte). Bielefeld: Transcript Verlag, 2017. S. 167–183.
- Kohn 1965 – *Kohn H.* The mind of Germany: The education of a nation. New York: Harper Torchbooks, 1965. 370 p.
- Koselleck 1979 – *Koselleck R.* Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt a/M: Suhrkamp, 1979. 389 S.
- Leibold, Kühnel, Heitmeyer 2006 – *Leibold J., Kühnel S., Heitmeyer W.* Abschottung von Muslimen durch generalisierte Islamkritik? Aus Politik und Zeitgeschichte 1-2, 2006. S. 2-11.
- Meinecke 1911 – *Meinecke Fr.* Weltbürgertum und Nationalstaat: Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates. Zweite durchgesehene Auflage. München; Berlin: Druck und Verlag von R. Oldenbourg, 1911. 517 S.
- Merz 2000 – *Merz F.* Einwanderung und Identität // Die Welt. 2000. 25 Okt.
- Müller 2000 – *Müller J.-W.* Another Country: German Intellectuals, Unification and National Identity. New Haven and London: Yale University Press, 2000. 310 p.

- Plessner 1959 – *Plessner H.* Die verspätete Nation. Über die politische Verführbarkeit bürgerlichen Geistes. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1959. 174 S.
- Spohn 2008 – *Spohn W.* Politik und Religion in einer sich globalisierenden Welt. Wiesbaden: VS, Verl. für Sozialwiss, 2008. 96 S.
- Tibi 1998 – *Tibi B.* Europa ohne Identität?: die Krise der multikulturellen Gesellschaft. München: Bertelsmann, 1998. 379 S.
- Tietze 2001 – *Tietze N.* Islamische Identitäten: Formen muslimischer Religiosität junger Männer in Deutschland und Frankreich. Hamburg: Hamburger Ed., 2001. 276 S.
- Vorländer, Herold, Schäller 2016 – *Vorländer H., Herold M., Schäller S.* PEGIDA. Entwicklung, Zusammensetzung und Deutung einer Empörungsbewegung. Wiesbaden, Springer VS, 2016. 165 S.
- Weiß 2017 – *Weiß V.* Die autoritäre Revolte: Die Neue Rechte und der Untergang des Abendlandes. Stuttgart: Klett-Cotta, 2017. 256 S.
- Winkler 2000 – *Winkler H.A.* Der lange Weg nach Westen. Bd. 1: Deutsche Geschichte vom Ende des Alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik. 652 S.; Bd. 2: Deutsche Geschichte vom „Dritten Reich“ bis zur Wiedervereinigung. 742 S. München: Beck, 2000.
- Winkler 2016 – *Winkler H.A.* Geschichte des Westens. Teil: Die Zeit der Gegenwart. 3., durchgesehene Auflage. München: C.H. Beck, 2016. 687 S.

References

- Atnashev, T. and Velizhev, M. (2018), *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii* [The Cambridge school: theory and practice of intellectual history], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Bade, K.J. (2003), *Migration in European history*, Victoria: Blackwell, Malden, MA, Oxford, Carlton.
- Bade, K.J. and Anderson, L. (1994), “Immigration and Social Peace in United Germany”, *Daedalus, Germany in Transition*, vol. 123, no. 1, MIT Press, Cambridge Massachusetts, pp. 85-106.
- Becher, Ph., Begass, C. and Kraft, J. (2015), *Der Aufstand des Abendlandes: AfD, PEGIDA & Co.: vom Salon auf die Straße*, PapyRossa-Verl, Köln.
- Becker, M. (2013), *Geschichtspolitik in der „Berliner Republik. Konzeptionen und Kontroversen*, Springer VS, Wiesbaden.
- Beck-Gernsheim, E. (2006), “Turkish Brides: A Look at the Immigration Debate in Germany”, in Bodemann, Y., Yurdakul, G. (eds.), *Migration, Citizenship, Ethnos*, Palgrave Macmillan, New York, pp. 185-197.
- Bedecker, Kh.E. (2010), “Reflection of historical semantics in historical cultural studies”, in Bedeker, Kh.E. *Istoriya ponyatii, istoriya diskursa, istoriya mentaliteta* [History of concepts, discourse and mentality], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, pp. 5-21.
- Brubaker, R. (1992), *Citizenship and nationhood in France and Germany*, Harvard University Press, Cambridge, Mass.; London, England.

- Brubeiker, R. (2012), *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups], Izdat. dom. Vyshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia.
- Bourdieu, P. (2007), *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space], Institut eksperimental'noi sotsiologii, Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.
- Butterwegge, C., Hentges, G. and Wiegel, G. (2018), *Rechtspopulismus im Parlament: Polemik, Agitation und Propaganda der AfD*, Westend Verlag, Frankfurt am Main.
- Faber, R. (2002), *Abendland. Ein „politischer Kampfbegriff*, Philo-Verlag, Berlin, Wien.
- Faist, T. (2006), “The Migration-Security Nexus: International Migration and Security Before and After 9/11”, in Bodemann, M.Y. and Yurdakul, G. (eds.), *Migration, Citizenship, Ethnos*, Palgrave Macmillan, pp. 103-119.
- Giesen, B. (2004), “The Trauma of Perpetrators: The Holocaust as the Traumatic Reference of German National Identity”, in Alexander, J.C., Eyermann, R., Giesen, B., Smelser, N. and Sztompka, P., *Cultural Trauma and Collective Identity*, University of California Press, Berkeley CA, pp. 112-155.
- Habermas, J. (1987), “Eine Art Schadensabwicklung. Die apologetischen Tendenzen in der deutschen Zeitgeschichtsschreibung“, DIE ZEIT v. 11.07.86, in Kühnl R. (Hrsg.), *Streit ums Geschichtsbild: d. „Historiker-Debatte“; Darst., Dokumentation, Kritik*, Pahl-Rugenstein, Köln, pp. 42-51.
- Habermas, J. (2002), “The European Nation State. Its Achievements and Its Limitations. On the Past and Future of Sovereignty and Citizenship”, in Anderson, B., Bauer, O. and Khrokh, M., etc.(eds.), *Natsii i natsionalizm* [Mapping the Nation], Praxis, Moscow, Russia, pp. 364-381.
- Habermas, J. (2008), *Raskolotyi Zapad* [The divided West], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Heitmeyer, W. (2018), *Autoritäre Versuchungen: Signaturen der Bedrohung I*, Suhrkamp Verlag, Berlin.
- Jaspers, K. (1999), *Vopros o vinovnosti* [The Question of German Guilt], Progress, Moscow, Russia.
- Joppke, C. (2009), *Veil: mirror of identity*, Polity Press, Cambridge.
- Jorgensen, M.W. and Phillips, L.J. (2008), *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis as theory and method], Gumanitarnyi tsentr, Khar'kov, Ukraine.
- Kaelble, H. (2009), “Identification with Europe and politicization of the EU since the 1980s”, in Checkel, J.T. and Katzenstein, P.J. (eds.), *European Identity*, Cambridge University Press.
- Kallscheuer, O. (2017), “Abendland – Deutschland – Europa: Vier ideenpolitische Fußnoten zum neudeutschen Diskurs. (und eine französische Marginalie)”, in Brömmel, W., König, H. and Sicking, M. (Hgs.), *Populismus und Extremismus in Europa: Gesellschaftswissenschaftliche und sozialpsychologische Perspektiven (Europäische Horizonte)*, Transcript Verlag, Bielefeld.
- Kohn, H. (1965), *The mind of Germany: The education of a nation*, Harper Torchbooks, New York.
- Kocka, J. (2007), *Granitsy Evropy i identichnost': istoricheskii opyt i vyzovy sovremennosti* [Europe's boundaries and identity: historical experience and contemporary challenges], RGGU, Moscow, Russia.

- Koselleck, R. (1979), *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*, Suhrkamp, Frankfurt a/M.
- Leibold, J., Kühnel, S. and Heitmeyer, W. (2006), “Abschottung von Muslimen durch generalisierte Islamkritik?”, *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 1-2, Bundeszentrale für politische Bildung, Bonn.
- Malakhov, V.S. (2010), *Natsionalizm kak politicheskaya ideologiya: uchebnoe posobie*. [Nationalism as political ideology: A handbook], KDU, Moscow, Russia.
- Meinecke, Fr. (1911), *Weltbürgertum und Nationalstaat: Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates*, Druck und Verlag von R. Oldenbourg, München, Berlin.
- Merz, F. (2000), “Einwanderung und Identität”, *Die Welt*, 25 Okt.
- Müller, J-W. (2000), *Another Country: German Intellectuals, Unification and National Identity*, Yale University Press, New Haven and London.
- Plessner, H. (1959), *Die verspätete Nation. Über die politische Verführbarkeit bürgerlichen Geistes*, W. Kohlhammer, Stuttgart.
- Spohn, W. (2008), *Politik und Religion in einer sich globalisierenden Welt*, VS, Verl. für Sozialwiss, Wiesbaden.
- Tibi, B. (1998), *Europa ohne Identität?: die Krise der multikulturellen Gesellschaft*, Bertelsmann, München.
- Tietze, N. (2001), *Islamische Identitäten: Formen muslimischer Religiosität junger Männer in Deutschland und Frankreich*, Hamburger Ed., Hamburg.
- Vorländer, H., Herold, M. and Schäller, S. (2016), *PEGIDA. Entwicklung, Zusammensetzung und Deutung einer Empörungsbewegung*, Springer VS, Wiesbaden.
- Weiß, V. (2017), *Die autoritäre Revolte: Die Neue Rechte und der Untergang des Abendlandes*, Klett-Cotta, Stuttgart.
- Werner, K.F., Gschnitzer, F., Koselleck, R. and Schönemann, B. (2014), “People, nation, nationalism, mass”, in Zaretskii, Yu., Levinson K., and Shirle I. [sost.], *Slovar’ osnovnykh istoricheskikh ponyatii* [Dictionary of basic concepts in history], Selected papers in 2 vols., vol. 2, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, pp. 322-753.
- Winkler, H.A. (2000), *Der lange Weg nach Westen, Bd. 1., Deutsche Geschichte vom Ende des Alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik; Bd. 2., Deutsche Geschichte vom „Dritten Reich“ bis zur Wiedervereinigung*, C.H. Beck, München.
- Winkler, H.A. (2016), *Geschichte des Westens. Teil: Die Zeit der Gegenwart*, C.H. Beck, München.

Информация об авторе

Александр Н. Юрин, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; yurinalexander@mail.ru

Information about the author

Alexander N. Yurin, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; yurinalexander@mail.ru

Применение зарубежных критериев
для оценки эффективности
российских экспертно-аналитических центров:
pro et contra

Яна В. Щетинская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ivshchet@gmail.com*

Аннотация. Экспертно-аналитические центры («фабрики мысли») принято считать американским феноменом. Тем не менее начиная с 1920-х гг. и до настоящего момента страны по всему миру, включая Россию, заимствуют их опыт как модель для организации собственных экспертных ресурсов. Сотни тысяч долларов тратятся ежегодно на финансирование таких центров, и в связи с этим в последние годы актуальным стал анализ эффективности экспертных сообществ и разработка критериев оценки их деятельности. В рамках данного исследования были выявлены и типологизированы наиболее распространенные критерии, предлагаемые зарубежными авторами. На их основе проведен анализ работы трех российских экспертных центров, вошедших в самый известный рейтинг «фабрик мысли» в мире – “Global Go To Think Tank Index Report” Университета Пенсильвании на 2019 г.: Московский центр Карнеги, Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (МГИМО). Выявлены особенности экспертной деятельности этих структур, что может быть полезно для оценки аналитических центров за пределами США в будущем.

Ключевые слова: аналитические центры, США, Россия, «фабрики мысли», политическая экспертиза, критерии эффективности

Для цитирования: Щетинская Я.В. Применение зарубежных критериев для оценки эффективности российских экспертно-аналитических центров: pro et contra // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. С. 108–120. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-108-120

Applying Western criteria of think tanks efficiency to the case of Russia: pro et contra

Iana V. Shchetinskaia

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
ivshchet@gmail.com*

Abstract. For many years, experts considered think tanks to be an exclusively American phenomenon. However, since the 1920s, countries across the world, including Russia, have been using the American experience to design their model of organizing analytical resources. People have been spending millions of dollars on the development of think tanks all over the world. A lot of work has been done to understand why governments, businesses, and taxpayers are investing resources in these institutions and the key factors that affect their efficiency. This article explores variables that correlate with the effectiveness of think tanks within the Anglo-American tradition, suggested by scholars. It looks at three think tanks based in Russia included in the top positions of the “Global Go to Think Tanks” by the University of Pennsylvania – IMEMO, MGIMO, and Carnegie Moscow Center through the lens of these variables. It also addresses specific characteristics of their work, which can be practical in assessing think tanks outside of the United States.

Keywords: think tanks, the United States, Russia, policy expertise, criteria of effectiveness

For citation: Shchetinskaia, I.V. (2020), “Applying Western criteria of think tanks efficiency to the case of Russia: pro et contra”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 108–120, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-108-120

Введение

«Фабрики мысли» часто считают американским феноменом. Однако с 1980 г. количество экспертно-аналитических центров в мире возросло больше чем в два раза, и на данный момент их уже свыше 4 тыс. [McGann 2019, p. 14]. Изучение таких организаций как гомогенного феномена невозможно, так как не существует универсального определения данных институтов. Ряд авторов типологизирует экспертно-аналитические центры в соответствии со степенью их организационной независимости [Rich 2004, p. 11; Stone 2001, p. 340]. Другие исследователи предлагают иные основания для систематизации, выделяя среди «фабрик мысли» контрактные центры, пропаган-

дистские институты и «университеты без студентов» [Weaver 1989, p. 564], партийные и лоббистские организации [McGann, Weaver 2000, p. 13]. Джеймс Макгэнн, директор программы “Think and Civil Societies”, идентифицирует экспертные центры как организации, публикующие рекомендации по вопросам политики, которые могут работать независимо и в рамках других постоянно существующих институтов [McGann 2019b]. Некоторые исследователи утверждают, что аналитические центры в США уникальны из-за особенностей политической системы, в которой они существуют [Abelson 2018, p. 5], а другие [Stone, Denham 2004, p. 2] отмечают, что определения «фабрик мысли», разработанные на основе англо-американской модели, не вполне подходят для подобных институтов в других странах. В рамках данной работы под экспертно-аналитическим центром понимается структура, существующая независимо или в рамках другого института, которая своевременно проводит исследования и публикует аналитические материалы по широкому кругу вопросов. Выбор данного определения позволяет проанализировать центры с разной организационной структурой и рассмотреть различия между англо-американской моделью и реальными аспектами деятельности «фабрик мысли» в России.

Критерии оценки деятельности экспертно-аналитических центров

С целью выявления критериев для анализа эффективности деятельности аналитических центров была отобрана литература, представляющая разные взгляды на данную проблему. По мнению одних исследователей, важнейшим из таких критериев является наличие диверсифицированной исследовательской базы (способность публиковать материалы по разным аспектам внутренней и внешней политики) [McGann, Weaver 2000b, Stone, Denham 2004, Talbott 2002, McGann 2007, Heinemann, Bluhm, Peterson, Kearney 2001, Rich 2004b, Wiarda 2010, Abelson 2018, Spring 2002]. Другие исследователи E. Lipton, B. Williams¹, P. Grose и R.N. Haass [Grose 2006, Haass 2002] делают акцент на идеологической независимости. Иногда идеологически ангажированные «фабрики мысли» более активно используют различные платформы для распространения своих исследований.

¹Lipton E., Williams B. How Think Tanks Amplify Corporate America's Influence [Электронный ресурс] // *The New York Times*. 2016. Aug. 07. URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/08/us/politics/think-tanks-research-and-corporate-lobbying.html> (дата обращения 20 янв. 2020).

Например, в то время как фонд «Наследие» (*The Heritage Foundation*) проводит серию общественных форумов по вопросам политики социального обеспечения, Центр бюджетных и политических приоритетов (Center on Budget and Policy Priorities) часто ограничивается выпуском докладов и отчетов [Rich 2004, p. 25]. Другими важными показателями эффективности аналитических центров являются своевременность производства аналитического материала и способность донести свои идеи различными способами (книги, семинары, форумы, различные технологичные платформы и т. д.) [Talbot 2002, Heinemann, Bluhm, Peterson, Kearney 2001, Haass 2002, Grose 2006, Asmus 2002, Spring 2002, Selee 2013].

Независимость как фактор продуктивной деятельности «фабрик мысли» рассматривается в публикациях и с более узким фокусом. Например, в своей работе, посвященной влиянию американских аналитических центров на политику расширения НАТО, Роналд Асмус подчеркивает, что главной причиной того, что исследовательская позиция корпорации РЭНД (RAND) была услышана, стала репутация центра как независимого [Asmus 2002, p. 29]. Другая причина – наличие у РЭНД контактов с представителями политического истеблишмента в США, что является примером американской традиции «вращающихся дверей» (*“revolving doors”*), под которой подразумевается, что политики, дипломаты и профессора университетов часто переходят на аналитическую работу по завершении или в течение своей политической карьеры и наоборот. Например, бывший дипломат и советник президента США Дональда Трампа по национальной безопасности Джон Болтон был старшим научным сотрудником в Американском институте предпринимательства (*American Enterprise Institute*). Стивен Пайфер, директор программы по контролю за вооружением Института Брукингса (Arms Control and Non-Proliferation Initiative, Brookings Institution), с 1981 по 1984 г. работал в отделе по вопросам политики и безопасности в Европе Государственного департамента США, а в 1998–2000 гг. – послом США на Украине. Чарльз Мюррей, автор консервативных книг по экономике, проработав экспертом Американского института предпринимательства (*American Enterprise Institute*), стал главным автором реформы соцобеспечения Билла Клинтона в начале 1990-х гг. [Medvetz 2012, p. 3].

В данной статье было отобрано 8 критериев, предложенных экспертами, которые придерживаются разных взглядов на оценку эффективности «фабрик мысли»: (1) диверсифицированный перечень исследований; (2) организационная и (3) идеологическая независимость; (4) наличие контактов с лицами, ответственными за принятие решений; (5) своевременность выпускаемого ана-

литического продукта; (6) способность привлекать различные источники финансирования; (7) выступать в качестве связующего звена между академической сферой и сферой принятия решения посредством проведения конференций, семинаров, панелей, а также (8) презентовать аналитический материал в различных формах. Выделенные критерии позволяют изучать особенности деятельности аналитических институтов.

Анализ деятельности экспертных центров в России

Российский опыт организации «фабрики мысли» представляется релевантным с исследовательской точки зрения по двум причинам. Во-первых, как и большинство европейских и азиатских институтов такого типа, они создавались по образу американских. Во-вторых, количество экспертных центров в стране продолжает расти. По данным на 2018 г., их 215, что ставит Россию на 7-е место в мире. Это почти вдвое больше, чем в 2016 г. (122) [McGann 2019].

В рейтинге “Global Go To Think Tank Index Report 2018”, использованном при отборе российских центров, представлено более 30 организаций. В результате анализа трех общих рейтингов («Аналитический центр года», «Лучшие аналитические центры в мире – США и за их пределами», «Лучшие аналитические центры за пределами США») и около 30 субрейтингов по разным номинациям были отобраны наиболее часто упомянутые: Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН – 12 упоминаний, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) – 12 упоминаний, Московский центр Карнеги – 7 упоминаний. Российские организации не были представлены в субрейтингах, посвященных здравоохранению, охране окружающей среды и энергетическим исследованиям.

Анализ работы центров показал, что все они, несмотря на структурные различия, стремятся к активной экспертной деятельности, но демонстрируют ее результаты по-разному. Все организации диверсифицируют свои исследования. Например, Московский центр Карнеги разделяет исследования как по регионам, так и по проблематике: «Америка Трампа», «Ядерная проблема Ирана» и т. д.² В составе ИМЭМО РАН существует 20 подразделений в

² Публикации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского центра Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/publications?lang=ru> (дата обращения 29 окт. 2019).

соответствии со сферами исследования, а также регионами и суб-регионами³.

Что касается организационной независимости, то ИМЭМО является структурой Российской академии наук, Устав которой утверждается решением правительства, а все изменения в нем должны согласовываться с Министерством науки и высшего образования РФ. Кроме того, кандидатура Президента РАН утверждается главой государства. МГИМО также нельзя назвать независимым институтом, поскольку он является ведомственным вузом при МИД России. По этим же причинам обе организации идеологически зависимы. Существуют и другие нюансы. Например, Московский центр Карнеги традиционно принято считать идеологически независимой структурой, однако есть косвенные свидетельства того, что после 2012 г. он стал более избирательным в выборе тем для исследования и подборе сотрудников. В 2012 г. организацию покинул Николай Петров, руководитель программы «Общество и региональная политика». По его версии, приостановка его программы и уход объяснялись стремлением Центра Карнеги воздержаться от жесткой критики политического режима в России, чтобы сохранить контакты на высшем уровне. Позже Центр покинули Мария Липман, редактор журнала “Pro et Contra”, и Лилия Шевцова, эксперт по внутренней политике России⁴.

В условиях российской действительности идеологическая ангажированность может приносить определенные дивиденды. Так, МГИМО не испытывает недостатка в контактах с лицами, влияющими на принятие решений. В Попечительский совет МГИМО входят министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, основатель “USM Holdings” Алишер Усманов, руководитель Федеральной антимонопольной службы РФ Игорь Артемьев, губернатор Московской области Андрей Воробьев, помощник Президента РФ Владимир Мединский и другие⁵. В штат Московского центра Карнеги входят сотрудники, имеющие опыт работы в международных

³Подразделения [Электронный ресурс] // Официальный сайт ИМЭМО РАН. URL: <https://www.imemo.ru/about/structure> (дата обращения 1 нояб. 2019).

⁴*Kirchik J.* How a U.S. Think Tank Fell for Putin [Электронный ресурс] // The Daily Beast. 2017. April 14. URL: <https://www.thedailybeast.com/how-a-us-think-tank-fell-for-putin> (дата обращения 2 нояб. 2019).

⁵Попечительский совет [Электронный ресурс] // Официальный сайт МГИМО. URL: <https://mgimo.ru/about/board-of-trustees/> (дата обращения 2 фев. 2020).

институтах (например, Эндрю Вайс, курирующий исследования Фонда Карнеги по России и Евразии, работал в Государственном департаменте США, и Эрве Бульоль – бывший старший экономист Управления по делам занятости, труда и социальным вопросам Организации экономического сотрудничества и развития⁶). Можно сказать, что ИМЭМО занимает промежуточную позицию, устанавливая контакты с политическими деятелями через Примарковские чтения и среди дипломатических работников за рубежом. То же самое касается и вопросов финансирования: у МГИМО⁷ и ИМЭМО⁸ есть возможность получать гранты Российского гуманитарного научного фонда и гранты Президента РФ, а у Московского центра Карнеги ее нет.

В отношении презентации результатов деятельности также существуют особенности. В некоторых подразделениях ИМЭМО (сектор проблем корпоративного управления и инвестиций, сектор экономики науки и инноваций, сектор проблем структурной политики и конкурентоспособности) список публикаций фактически монополизирован одним-двумя авторами. МГИМО издает 16 периодических изданий. Большинство из них имеет собственные веб-сайты. Сам МГИМО размещает на своем сайте статьи и выпуски периодических изданий по различной проблематике. Однако они появляются на сайте нерегулярно. Например, можно найти по одному выпуску журнала «Сравнительная политика» за 2015, 2016, 2017 и 2019 гг. и три – за 2018 г.⁹ Вместе с тем в рамках МГИМО существует консалтинговое агентство «Евразийские стратегии», из чего можно сделать вывод о том, что институт старается своевременно отвечать на политические вызовы¹⁰.

⁶ Публикации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского центра Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/publications?lang=ru> (дата обращения 29 окт. 2019).

⁷ Группа грантовой поддержки [Электронный ресурс] // Официальный сайт МГИМО. URL: <https://mgimo.ru/about/structure/ucheb-nauch/imi/ggp/%20https://mgimo.ru/science/grants/> (дата обращения 28 окт. 2019).

⁸ Проекты научных фондов [Электронный ресурс] // Официальный сайт ИМЭМО РАН. URL: <https://www.imemo.ru/projects/science-foundation> (дата обращения 1 нояб. 2019).

⁹ Журнал «Сравнительная политика» [Электронный ресурс] // Официальный сайт МГИМО. URL: <https://mgimo.ru/about/structure/period/comparpolit/> (дата обращения 1 нояб. 2019).

¹⁰ Агентство «Евразийские стратегии»: история [Электронный ресурс] // Официальный сайт агентства «Евразийские стратегии». URL: <http://eurasian-strategies.ru/about-us/history/> (дата обращения 1 нояб. 2019).

Информация по аналитическому продукту Московского центра Карнеги является наиболее доступной и полной. Организация выпускает книги, статьи, монографии, экспертные мнения и другие публикации. Они выходят на русском и английском, а иногда и других языках, широко распространяются в России и за рубежом. Центр тесно сотрудничает с программами Фонда Карнеги в Вашингтоне, Представительством ЕС в России и другими структурами¹¹.

Для репрезентативного анализа работы экспертных центров по показателю «представление аналитического продукта в различных формах» автором был введен дополнительный индикатор – процент от публикаций, по которым доступен полный текст. Результаты отражены в таблице.

Таблица

МГИМО, Московский центр Карнеги и ИМЭМО:
предоставление аналитического продукта

Название организации	Всего публикаций на сайте	Доступ к тексту на сайте	Процент публикаций с текстом
МГИМО	38 221	5184	13,56
Московский центр Карнеги	4040	4040	100,00
ИМЭМО РАН	3520	472	13,41

Что касается способности центров регулярно проводить крупные мероприятия, то в 2016 г. Примаковские чтения в ИМЭМО РАН вошли в список лучших конференций мира по оценке рейтинга “Global Go to Think Tank”. В том же году было опубликовано два исследования, подготовленных институтом совместно с Атлантическим советом (Atlantic Council) и Центром стратегических и международных исследований (CSIS) в Вашингтоне. Ежегодно публикуются исследования в сборнике Стокгольмского института исследования проблем мира (Stockholm International Peace Research Institute, SIPRI). Вместе с тем ИМЭМО не всегда своевре-

¹¹Проекты Московского центра Карнеги [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/projects/> (дата обращения 29 окт. 2019).

менно представляет информацию о ходе и результатах проектов. Так, с 2013 г. институт участвует в проекте “Trialog” совместно с Немецким обществом внешней политики (DGAP) и Польским институтом международных отношений (PISM). Однако последняя информация по проекту относится к 2015 г. То же самое можно сказать о совместном проекте с Институтом Брукингса о ядерном нераспространении – последняя опубликованная информация датируется 2010 г.

МГИМО ежемесячно участвует в большом количестве научных конференций, круглых столов и семинаров, однако информацию об этих событиях ранее 2013 г. на сайте найти не удалось. Также нельзя получить доступ к результатам международных проектов в рамках университета (Российско-индийский форум, Молодежный саммит Россия – АСЕАН.) В целом это соответствует общей особенности представления информации на сайте МГИМО: на главной странице из 24 пунктов, по которым распределена информация, как минимум 16 касаются исключительно внутренней работы университета, а не международной и аналитической деятельности. Еще три пункта («МГИМО в рейтингах», «Отзывы и благодарности», «Университеты-партнеры») не позволяют получить представления о работе МГИМО как международного экспертного института, объединяющего экспертную, академическую и политическую сферы.

Крупные конференции в Московском центре Карнеги проводятся как минимум раз в 5 месяцев, часто – ежемесячно, а иногда и несколько раз в месяц. Они в основном организуются для обсуждения злободневных событий и выработки стратегий реагирования на них.

Анализ работы центров также показал, что способность формировать аудиторию о своей деятельности через социальные медиа не определяется количеством подписчиков. Так, МГИМО, имея больше всего подписчиков, использует эти платформы скорее для распространения университетских новостей, а не аналитических материалов. Отличительной чертой Московского центра Карнеги является наличие собственного подкаста, что типично для американской модели. В ИМЭМО различные подразделения отображают информацию по-разному, однако неработающая фильтрация публикаций затрудняет ее поиск. Некоторые подразделения института (например, сектор проблем корпоративного управления и инвестиций) вывешивают большой список публикаций, но не предоставляют информации о новостях, событиях и мероприятиях.

Заключение

Проведенный анализ свидетельствует о том, что аналитические центры – глобальный, но неоднородный феномен, сложный для изучения. Критерии, отобранные автором на основании многочисленных оценок зарубежных экспертов, не до конца совпали как с методологией, так и с результатами исследования Университета Пенсильвании. Например, из трех вошедших в рейтинг российских аналитических центров только Московский центр Карнеги можно квалифицировать как полностью организационно и идеологически независимый, хотя этот критерий является одним из важнейших по оценкам экспертов. Таким образом, проблема типологизации данных организаций становится реальным методологическим препятствием при изучении их работы.

При этом проведенное исследование продемонстрировало, что ситуация с аналитическими центрами в России не является полностью негативной. Все организации относительно регулярно публикуют новости о событиях и результаты своих исследований и привлекают экспертов из различных сфер. Тем не менее с точки зрения эффективности в значении *efficiency* их экспертный продукт может быть более диверсифицирован (больше публикаций разных авторов, материалов на английском языке и совместных работ с зарубежными коллегами). Ведь аналитический продукт существует на «рынке идей» (“the market of ideas”), следовательно, он должен быть широко представлен для того, чтобы быть востребованным. Учитывая, что аналитические центры формируют «климат общественного мнения» (“the climate of opinion”) [Denham, Garnett 1998], им следует увеличить свое присутствие на медиа-платформах, удерживая и расширяя свою аудиторию. Например, ИМЭМО РАН относительно регулярно вывешивает информацию о публикациях. Однако за 2018–2019 гг. ни одна из них не была скачана больше 54 раз. МГИМО размещает статьи и выпуски журналов с непоследовательной периодичностью, страницы некоторых публикаций и фильтры не работают, что ставит вопрос об эффективном использовании сайта как ресурса для распространения аналитического продукта. В силу вышесказанного становится понятным, почему в 2018 г. ни один из российских аналитических центров не был представлен в субрейтингах «Лучший PR-проект» и «Наиболее эффективное использование медиа-ресурсов». Российские «фабрики мысли» не попали и в номинации «Лучшая новая идея», «Лучшая конференция», «Наиболее эффективное установление и поддержание связей». С точки зрения англо-американской модели аналитических центров это препятствует развитию данных организаций.

Литература

- Asmus 2002 – *Asmus R.* Think Tanks and NATO Enlargement Debate // The U.S. Foreign Policy Agenda. 2002. No. 3. P. 29–32.
- Abelson 2018 – *Abelson D.* Do Think Tanks Matter? Assessing the Impact of Public Policy Institutes. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2018. 272 p.
- Denham, Garnett 1998 – *Denham A., Garnett M.* Think Tanks, British Politics and the “Climate of Opinion” // Think Tanks across Nations. Manchester; New York: Manchester University Press, 1998. P. 21-41.
- Grose 2006 – *Grose P.* Continuing the Inquiry: The Council on Foreign Relations from 1921 to 1996. New York: Council on Foreign Relations Press, 2006. 83 p.
- Haass 2002 – *Haass R.* Think Tanks and Foreign Policy: A Policymaker's Perspective on the U.S. Foreign Policy // The U.S. Foreign Policy Agenda. 2002. No. 3. P. 5–9.
- Heinemann, Bluhm, Peterson, Kearney 2001 – *Heinemann R., Bluhm W., Peterson S., Kearny E.* The World of the Policy Analyst. Chatham House Publishers, 2001. 206 p.
- McGann 2019 – *McGann J.* 2018 Global Go to Think Tank Index Report. Philadelphia: The University of Pennsylvania, 2019. 261 p.
- McGann 2007 – *McGann J.* Think Tanks and Policy Advice in the US: Academics, Advisors and Advocates. Abbingon: Routledge, 2007. 254 p.
- McGann, Weaver 2000 – *McGann J., Weaver K.* Think Tanks and Civil Societies: Catalysts for Ideas and Action. Piscataway: Transaction Pub., 2000. 617 p.
- Medvetz 2012 – *Medvetz T.* Think Tanks in America. Chicago: University of Chicago Press, 2012. 339 p.
- Rich 2004 – *Rich A.* Think Tanks, Public Policy, and the Politics of Expertise. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 270 p.
- Seele 2013 – *Seele A.* What Should Think Tanks Do? A Strategic Guide to Policy Impact. Stanford: Stanford University Press, 2013. 128 p.
- Spring 2002 – *Spring B.* The Heritage Foundation: Influencing the Debate on the Missile Defense // The U.S. Foreign Policy Agenda. 2002. No. 3. P. 32–34.
- Stone 2001 – *Stone D.* Think Tanks, Global Lesson-Drawing and Networking Social Policy Ideas // Global Social Policy. 2001. Vol. 1. Issue 3. P. 338–360.
- Stone, Denham 2004 – *Stone D., Denham A.* Think Tank Traditions: Policy Research and the Politics of Ideas. Manchester: Manchester University Press, 2004. 340 p.
- Talbott 2002 – *Talbott S.* How a Think Tank Works // The U.S. Foreign Policy Agenda. 2002. No. 3. P. 19–21.
- Weaver 1989 – *Weaver K.* The Changing World of Think Tanks // Political Science and Politics. 1989. No. 3. P. 563–578.
- Wiarda 2010 – *Wiarda H.* Think Tanks and Foreign Policy: The Foreign Policy Research Institute and Presidential Politics. Lanham: Lexington Books, 2010. 172 p.

References

- Asmus, R. (2002), "Think Tanks and NATO Enlargement Debate", *The U.S. Foreign Policy Agenda*, vol. 7, no. 3, Nov., pp. 29-32.
- Abelson, D.E. (2018), *Do think tanks matter? Assessing the impact of public policy institutes*, McGill-Queen's University Press, Montreal, Canada.
- Denham, A. and Garnett, M. (1998), "Think Tanks, British Politics and the 'Climate of Opinion' ", *Think Tanks across Nations*, Manchester University Press, Manchester; New York, pp. 21-41.
- Grose, P. (2006), *Continuing the Inquiry: The Council on Foreign Relations from 1921 to 1996*, Council on Foreign Relations Press, New York, NY.
- Haass, R.N. (2002), "Think Tanks and Foreign Policy: A Policymaker's Perspective on the U.S. Foreign Policy", *The U.S. Foreign Policy Agenda*, vol. 7, no. 3, Nov., pp. 5-9.
- Heinemann R., Bluhm, W., Peterson S. and Kearny, E. (2001), *The World of the Policy Analyst*. Chatham House Publishers, Chatham, NJ.
- McGann, J.G. (2019), *2018 Global Go to Think Tank Index Report*, The University of Pennsylvania, Philadelphia, PA.
- McGann, J.G. (2007), *Think Tanks and Policy Advice in the U.S.: Academics, Advisors and Advocates*, Routledge, Abingdon, UK.
- McGann, J.G. and Weaver, R.K. (2000), *Think Tanks & Civil Societies: Catalysts for Ideas and Action*, Transaction Pub., Piscataway, NJ.
- Medvetz, T. (2012), *Think Tanks in America*, University of Chicago Press, Chicago, IL.
- Rich, A. (2004), *Think Tanks, Public Policy, and the Politics of Expertise*. Cambridge University Press, UK.
- Selee, A.D. (2013), *What Should Think Tanks Do? A Strategic Guide to Policy Impact*, Stanford University Press, Stanford, CA.
- Spring, B. (2002), "The Heritage Foundation: Influencing the Debate on the Missile Defense", *The U.S. Foreign Policy Agenda*, vol. 7, no. 3, Nov., pp. 32-34.
- Stone, D. (2001), Think Tanks, Global Lesson-Drawing and Networking Social Policy Ideas, *Global Social Policy*, vol. 1, issue 3, pp. 338-360.
- Stone, D. and Denham, A. (2004), *Think Tank Traditions: Policy Research and the Politics of Ideas*, Manchester University Press, UK.
- Talbott, S. (2002), "How a Think Tank Works", *The U.S. Foreign Policy Agenda*, vol. 7, no. 3, Nov., pp. 19-21.
- Weaver, R.K. (1989), "The Changing World of Think Tanks", *PS: Political Science & Politics*, vol. 22, no. 3, pp. 563-578.
- Wiarda, H.J. (2010), *Think Tanks and Foreign Policy: The Foreign Policy Research Institute and Presidential Politics*, Lexington Books, Lanham, MD.

Информация об авторе

Яна В. Щетинская, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 6125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ivshchet@gmail.com

Information about the author

Iana V. Shchetinskaia, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 6125993; ivshchet@gmail.com

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 25.06.2020.

Формат 60×90^{1/16}.

Уч.-изд. л. 8,3. Усл. печ. л. 7,6.

Тираж 1050 экз. Заказ № 919

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6

www.rgggu.ru

www.knigirgggu.ru